

Екатерина
Голубкова

Звезда
в колодце

Екатерина
Голубкова

Звезда в колодце

Стихотворения

«Возможности Киммерии»
Николаев - 2006

ISBN 966-7676-55-2

Голубкова Е. А.

Звезда в колодце: Стихотворения.

Николаев: «Возможности Киммерии», 2006. – 296 с.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность «Горожанину года - 1999, 2001», «Меценату года - 2002», «Человеку года - 2004», почётному гражданину г. Николаева, директору Николаевской областной дирекции банка «Аваль» - Прудкому Сергею Васильевичу.

ISBN 966-7676-55-2

© Голубкова Екатерина, 2006.

© «Возможности Киммерии», 2006.

Звезда в
колодце

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я родилась поздней осенью первого послевоенного года в небольшом поселке под Красноярском. Тогда его окружала дремучая, еще не искалеченная человеком тайга, и однажды на прогулке наша детсадовская группа нос к носу встретилась с медведем-подростком. Дело было летом, и обе стороны при встрече отделались легким испугом. Юный медведь, пожалуй, нашего дружного визга испугался гораздо больше.

Первые впечатления детства — деревья, настолько высокие, что как ни задирай голову, вершину все равно не увидишь; белые прямые столбы дыма из труб; сугробы чуть ли не до крыш, и в этих белых слоистых стенах прорублены траншеи-тропинки...

В шесть лет я с мамой переехала в Николаев. Здесь поражало уже совсем другое. Черные, бархатные ночи, напоенные пронзительными ароматами цветущих растений;

тротуары, мощенные гладкими, то светлыми, то черно-синими, слегка неровными плитами, такими приятными на вид, что их хотелось если не лизнуть, то хотя бы погладить; вечерние гуляния на бульваре с духовым оркестром и множеством веселых морячков в белых бескозырках и нарядных, смеющихся барышень...

Так Николаев стал моей второй родиной, и я полагаю — уже навсегда.

Духовной же родиной для меня был и остается недоступный теперь Ленинград (Санкт-Петербург), где я работала и училась, где в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, в читальном зале спецхрана я благоговейно держала в руках подлинники первых книг Цветаевой, Ахматовой, Пастернака... Серая, шершавая бумага с вкраплением чуть ли ни щепок, крупный шрифт, черно-белое, не очень четкое оформление, и — неповторимый аромат начала века — «Серебряного века»!

Моя первая книга «Акварели» вышла в 1973 году в одесском издательстве «Маяк». Естественная радость от ее выхода очень скоро была омрачена — бдительное око цензора нашло в ней какую-то крамолу и весь тираж, как тогда говорили, «пошел под нож». Книги изымали из библиотек и магазинов, велели вернуть даже авторские экземпляры... Но несколько книг все же сохранились у моих друзей. Некоторые знакомые, еще вчера поздравлявшие

меня с выходом книги, стали при встрече благоразумно переходить на другую сторону улицы... Но настоящие мои друзья, в том числе, и наши писатели, в первую очередь, Эмиль Январев и Михаил Иванович Божаткин, бывший тогда ответственным секретарем нашего союза писателей, поддерживали и подбадривали меня. Вскоре книжка вышла вновь, под той же обложкой, но уже с совершенно иным, «обезвреженным» содержанием.

Всего у меня вышло четыре сборника стихов, что, наверное, не так уж и много.

Писать стихи я начала довольно рано, но никогда даже не задумывалась о том, чтобы стать профессиональным писателем. Я мечтала быть кем угодно, начиная от летчика и геолога и кончая химиком-органиком, а стихи — это было нечто, как бы само собой разумеющееся. В результате я «осваивала» профессии то пионервожатой, то матроса, то маляра на судостроительном заводе им. 61-го коммунара, потом окончила факультет психологии Ленинградского университета, занималась проблемами профориентации и профотбора в Центре по работе с кадрами, руководила литобъединением «Стапель», была зав. кабинетом молодого автора, а сейчас работаю социологом в Центре по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт». Года три-четыре перед этим я, так сказать, находилась на «творческой работе» (т.е. попросту сидела дома), но никаких особых творческих успехов это сидение не принесло.

Дело в том, что я не очень-то люблю сам процесс писания, т.е. вождения пером по бумаге, поэтому даже стихи я предпочитаю записывать только тогда, когда они уже сложились в голове окончательно, и их осталось просто перенести на бумагу. С появлением компьютера в моей жизни я, пожалуй, разучусь писать «вручную» вообще.

Так сложилось, что, даже став членом Союза писателей, я не приобрела «писательской» психологии, и для меня очень сложно именовать себя писателем, а тем более — поэтом. Просто я жила сама по себе, а стихи писались как-то сами по себе. Может, поэтому-то они однажды и перестали приходить. А может быть, поэзия — это молодость, и когда уходит одна, она уводит за собой вторую...

Да и время у нас сейчас, как говаривал поэт, «трудновато для пера». Но пока живешь — всё еще может быть. Надеюсь, что настанет день, и стихи опять ко мне вернутся, но это будут, наверное, уже совсем другие стихи...

... Это предисловие было написано для какой-то антологии, которая должна была выйти то ли в конце прошлого века, то ли в начале нынешнего, да так и не вышла. Мне показалось, что оно будет уместным в этой книге, тем более что в последние годы стихи действительно стали приходить ко мне. Правда, не так часто и не такие уж «совсем другие», но всё же...

Возможно, появление новых стихов в моей жизни связано с тем, что я вот уже почти девять лет руковожу литстудией «Секрет» при областной детской библиотеке им. В.А. Лягина, и общение с талантливыми детьми иногда дает и мне некий творческий стимул.

В эту книгу включены стихи из разных сборников, естественно, освобожденные от редакторского произвола советских издательств, т.е. попросту воспроизведенные в их первоначальном варианте.

Отдельным разделом вошли в книгу очень ранние и более поздние, но нигде, по разным причинам, не публиковавшиеся стихи, а также избранные пародии и некоторые стихи последних лет.

Е. Голубкова

1. ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

ИСТОКИ

* * *

Я оттуда,
из той России,
где сосновый дурман стоит,
где, полны доверчивой силы,
спят бесхитростные, босые,
добродушные предки мои.
Где попрятали деревушки
в рощи, в ельники, в сосняки
колоколенки да церквушки,
да резные свои избышки,
да бревенчатые мостки.
Где дремучий,
густой,
дремотный
разметался под птичий грай
край таежный да край болотный,
край нехожий да край нелетный —
для врагов
невозможный край.

Старина

1.

И запах трав, медлительный, медвяный,
и долго наплывает и горит
над Русью, расписной и деревянной,
вечерняя торжественность зари...

2.

Колокольное озеро звона,
да стоячих закатов вода...
Кто нашепчет тебе, полусонной,
что за дальнею далью — беда?
Что татарские стрелы — как тучи,
что, как дьяволы, кони храпят?
На великой Руси, на могучей,
в богатырском младенчестве спят.
И века проплывут — не услышит,
не проснется, не двинет рукой...
Так не надо будить ее,
тише,
до рассвета еще — далеко!

3.

До поры у нас лежат
топоры,
до поры у нас молчат
гусяры,
до поры не торжествуют
пиры —
все до времени у нас,
до поры.
Но когда она придет,
та пора —
как рванутся кулаки
к топорам,
как стрела сразит
струна гусяра,
и наплачется душа
на пирах!

4.

А наутро
снимут меня с креста
руки твои,
улыбка твоя.
Но наутро
я уже буду не та.
Это буду не я.
Ты меня не отыщешь
в тысячах тел,
в лицах других людей.
И останется боль моя
на кресте
в дырочках от гвоздей.

Дорога

Мы едем и едем,
и сами не знаем — куда.
И день отстающий
закатом и пылью обрызган,
и в небо отброшен
луны оловянный огрызок,
и тихие волки
на тихое небо глядят.
Мы едем и едем.
То серая стелется степь —
кольшется клевер,
и желтые ветры гарцуют,
и туча выводит
за ручку девчонку босую
на теплые камни
замшелых разрушенных стен.
То лес набегаёт —
щебечущий, шумный, цветной,
то море подступит,
тяжелые волны качая...
И день отстаёт.
И в пыли замирает, кончаясь.
Мы едем и едем,
и птицы кричат за спиной.

Возвращение

Владимиру Топчему

Во дворе, за забором,
абрикосы, как прежде, висят,
и, как прежде, пестры и копейчаты
тени акаций...

Здесь мы бегали в детстве
от мамы тайком в Дикий Сад,
чтоб, дрожа и ликуя,
в запретной воде искупаться!

А потом мы росли.

Грохотали в ночи поезда.

Уводила нас даль,

и пускай нам бывало несладко,

но над далью любую

горела всё та же звезда,

что из нашего детства

за нами следила украдкой.

Стали тверже ладони,
прямей и взыскательней взгляд.
Стала строже душа
и, быть может — немножечко суше.
Но когда мы устанем
и вернемся в свой город назад —
от любви и от нежности
непривычно смущаются души.
Как любимая песня,
которую редко поем,
как единственный друг
и как памяти строгой соседство
ты навек, Николаев,
останешься в сердце моем
поцелуем соленым
в таинственном шепоте детства!

Приглашение
(Импровизация)

Живу, сучусь, ошибаюсь,
куда-то спешу...
Но только сегодня
я суетность эту отрину,
и сяду за стол,
и друзьям своим так напишу:
«Я в гости вас жду
на родную мою Украину!
Весной приезжайте,
когда, отряхнувшись от сна,
сады через край закипают
вишневой метелью.
Ах, если б вы знали,
какая на юге весна!
Вы б всё позабыли,
и тотчас бы к нам прилетели.
А можете — летом,
когда созревают плоды
и яблоки в полночь
со стуком срываются с веток,
когда тишина, как вода,
заливает сады
сплошным водопадом
нездешнего лунного света.

А лучше — под осень,
когда не вмещают столы
всего, чем богата
осенняя наша природа,
и утром пустынным
без дела толпятся стволы
роняя листву
на седую ботву огорода.
Но если зимой вам приехать
захочется вдруг —
пускай не сезон,
все равно, невзирая на это,
чтоб вас оградить
от ветров, от метелей и вьюг
достанет у нас
и тепла, и улыбок, и света!
от метелей и вьюг
достанет у нас
и тепла, и улыбок, и света!»

ВОЙДИ В НАШ ДОМ...

*Друзьям моим —
корабелям завода им. 61 коммунара*

Прощание с кораблем

Когда встают, протяжны и низки,
торжественно-прощальные гудки,
и лязг металла глохнет, словно в вате,
мы молча застываем у реки
и долго вдаль глядим из-под руки,
как наш корабль
выводят на фарватер

Все просто — сдан еще один заказ.
Не в первый раз, и не в последний раз,
и новый день над миром торжествует...
А мы стоим у старого моста,
и заполняет душу пустота,
как будто души
вправду существуют!

Будь счастлив, уходящий от земли!
Тебя зовут моря и корабли,
высокая судьба, большое дело...
А мы вернемся к нашим стапелям,
поскольку вновь растущим кораблям
необходимы руки корабелов.
Но в час, когда протяжны и низки,
раздвинут даль прощальные гудки
и трос стальной
струной натянет катер,
позвольте нам, застывшим у реки,
в который раз
следить из-под руки,
как наш корабль
выводят
на фарватер.

* * *

Корабли, корабли!
Это наши горячие души
вы уносите вдаль
по пустым и холодным морям!
За высокой кормой
отстает, уменьшается суша —
не насмотрится вслед
уплывающим, тающим вам.
Корабли, корабли!
Вы — бессонная наша забота,
вы — всё то, чем живем мы,
чем мы нынче сильны и горды.
Не машины, не дизели —
это щедрое сердце завода
бьется чисто и ровно
в металлической вашей груди.
По большой и тяжелой,
по натруженной нашей планете,
по далеким и близким,
по несметным её уголкам
разбрелись корабли —
наши гордые, трудные дети...
Корабли, корабли!
Как без нас поживается вам?

Утро

Завод — зовет.
Завод гудит призывно...
Сминая наспех наспанный уют,
по улицам, приземистым и зимним,
со всех сторон
спешит рабочий люд.
Клубится мрак,
и выдох мой клубится,
клубок — в тисках
троллейбусных дверей...
И улица
проносится по лицам
морзянкой длинноногих фонарей.
Да будет — день!
Да будет славен — труд!
Благословенны — мысли и заботы!
Да будет утро
в эти пять минут
от остановки —
до ворот завода!

* * *

Завод —

это камень и сталь,
укрошенье огня и металла.

Завод — это спуск корабля,
и щемящий уход корабля...

Но дорог он мне еще тем,
что в заводе осталась
зеленая, милая,
в теплых травинках
земля.

Я знаю и будни труда,
и победы его, и величье.

Я знаю то чувство,
с каким мы у пирса стоим.

Но если сквозь грохот
мне слышится песенка птичья —
я ей улыбаюсь,
как первым успехам своим!

Мне радостно утром весенним
бежать по заводу
и краешком глаза ловить
пробужденье земли.

Вот солнце лучом неуверенным
трогает воду,
а вот, засмеявшись,
качает вода корабли.

А нынче денек
удивительно ясен и светел,
смешной воробей
по-хозяйски уселся на кнехт,
и тычется в лица нам, балуясь,
мартовский ветер,
и солнечный зайчик
живет в канцелярском окне...

Потомки изучат наш день
по балладам, поэмам, былинам,
но вот разглядят ли они,
как у нас по утрам
под башенным краном
асфальт раздвигает
былинка,
и тянутся к солнцу —
былинка и башенный кран?

В столярке

Из-под пилы
такой сосновый запах,
что на него,
лохматый и живой,
дремучий бор
на деревянных лапах
идет ко мне,
качая головой.
В нем на опушках
притаились лани,
в нем паутинки
оплели кору,
и птичий мир
на все лады горланит
о птичьем счастье —
жить в таком бору.
В нем дух грибной
и пряный дух валежин,
пчелиный, разомлевший
звон жары,
и по тропе
за добродушным лешим —
кипучий столбик
юркой мошкары...

- Ау, ау!..-
Бор лапищи раскинул.
- А ну, а ну!..-
Азартный вой пилы.
- Ау, ау!..-
По свежему распилу
ползет слепая
капелька смолы...

Рождение корабля

На стапелях,
из гулкой пустоты,
сквозь линии
не толще паутинки
вдруг проступают
плавные черты
как будто на
переводной картинке...

В полнеба вырастая из земли
и обретая контурность и четкость,
он спит пока, могучий исполин,
чуть заштрихован стапельной решеткой.
О, сколько нужно
света и добра,
о, сколько рук
должны его коснуться,
чтобы корабль почувствовал:
«Пора! Я — жив! Я — есть!
И я готов проснуться!»

И этот миг поистине велик,
когда под гром
оркестров и оваций
он, вздрогнув,
оторвется от земли —
той, от которой нам
не оторваться...

Будущему корабелу

Войди в наш дом.
Отсюда, изнутри,
взгляни на мир
впервые по-другому,
и тихим сердцем
тихо повтори
слова присяги
Родине и Дому.
Войди в наш дом,
узнай, как мы живем,
прими заботы наши и удачи,
и всё, чем в сердце
ты богат своим —
отдай другим,
и стань еще богаче!
Войди в наш дом,
и пусть он станет — твой!
Ты нужен здесь,
так встань же рядом с нами,
чтоб от тепла
души твоей живой
живыми стали
и металл, и камень.

Войди в наш дом —
как равный, как родня.
И ты поймешь,
что ни за что на свете
ты никогда
не сможешь променять
ни этот дом,
ни все тревоги эти...
Войди в наш дом.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

* * *

Ах, осень!
Что делать нам, древним,
С тревогою в птичьих очах?
Не нужен уснувшей царице
ни дом,
ни жених,
ни очаг...

В хрустальном забвенье качаться,
во мраке сомкнувшихся век...
И если б не сказке кончаться —
она б не проснулась вовек!
Разбойничьи ветры просвищут,
горбатые тучи пройдут.
Пусть тысячу лет её ищут,
и тысячу лет — не найдут!
Куда ей,
зачем торопиться?
Застынь её время, замри!
... Ах, как уповательно спится
во мраке осенней зари!

Начало осени

1.

Так пел янтарный лист,
и пел восток об этом,
и кто-то третий видел из окна -
по влажным мостовым
кленового рассвета
неторопливо проходило лето -
как огненная кисть по зелени сукна.

2.

И этот день был титульным листом.
К нему потом, страница за страницей,
припишется
разнообразный том
всего, чему положено случиться.
Их древние украсят письмена,
летающих листьев клинопись сквозная.
И это будет осень.
Но она
покуда ничего еще не знает.
И будет пуст простор, и воздух — чист,
и будет даль
в резьбе черенных веток...
Но это все — потом.
А ныне, желт и светел,
еще летит и медлит
первый лист.

3.

Уже горят сырые вороха
еще живых, но облетевших листьев,
и сизый дым, к земле припав по лисьи,
боится тронуть голые верха.
и небо, просыпаясь на заре,
как мы к нему,
к нам тянется с вопросом:
ужель и вправду, осень на дворе,
и вправду — осень?

* * *

Осенний город отсырел,
утратил легкость и прозрачность,
он весь обмяк и постарел —
был забияка и пострел,
а стал ворчун и неудачник.
Осенний город сам не свой,
в нем воробьи —
и те притихли,
и дымно тлеет в темном тигле
закат под ветошью сырой.
А где-то рядом, наготове —
зима,
быть может, даже от ворот
лишь в полуметре,
в полуслове,
и варежкой снежинку ловит,
и улыбается.
И ждет.

* * *

Затем, что туманны дворы,
затем, что мы сами туманны
мы все колдовством и обманом
в плену у осенней поры.
В плену опустевших ветвей
мы ищем спасенья
со всею любовью своей,
с надеждой со всею.
Где бешеных красок метель
нас полночью кружит,
где листья и двери с петель —
всё рвется — наружу! —
там шумные правим пиры
меж листьев бездомных.
И нет бесшабашней поры,
и нету — бездонней!

* * *

Татьяне Карнаух

Осенние боги грустны и рассеянны,
зато их улыбка светла и добра.
Бредущие вдаль листопады осенние,
я — ваша сестра!
В прилежной, в прибрежной осинової рощице,
впервые увидевшей - речка быстра,
заблудшая музыка в душу к нам просится:
я — ваша сестра!
И рощица эта, познавшая таинство,
сквозь неуловимую дымку утра
вослед журавлям улетающим тянется:
я — ваша сестра!
Я знаю, что в мире тепла не убавится,
какая бы там ни стояла пора!
И осень застенчиво нам улыбается:
я — ваша сестра!

* * *

На редкость постоянны,
и начеку с утра
осенние туманы,
осенняя хандра.
Ползут неторопливо
по краешку ума
осенние мотивы,
осенние дома.
Но всюду, как улитка,
таскаю за собой
весеннюю улыбку,
весеннюю любовь!

* * *

Анжеле Прудкой

Ясны мои осенние леса,
недвижны их отчетливые тени,
и небо, опустившись на колени,
Целует землю в строгие глаза.
Ясна моя недолгая судьба,
как лист янтарный ясен против света,
когда его разглядывает лето,
откинув пряди с выпуклого лба.
Ясны во мне слова и голоса,
прозрачен час вечернего отлива...
Как просто оказалось быть счастливой!
Ясны мои осенние леса.

* * *

Среди осенней откровенности,
среди оголённости ветвей,
боюсь
своей обыкновенности,
страшусь
неверья и неверности,
и бесполезности своей...

* * *

Мы с тобой никогда-никогда
не бывали в осеннем лесу,
где багряные листья,
кружась,
ниспадают к ногам,
и янтарные тени
неслышно скользят по лицу,
и стоит предотлетный,
такой озабоченный гам.
Мы с тобой никогда-никогда
не бывали в осеннем лесу,
где листва жестяная
гремит в побуревшей траве,
и береза качает
пустое гнездо на весу,
и грибы нахлобучили шляпы
до самых бровей.

Мы с тобой никогда-никогда
не бывали в осеннем лесу,
где овальные капли
на матовой влажной коре,
где не хрустнет,
а всхлипнет
случайно обломленный сук,
и туманно-прозрачна
паутина ветвей на заре...

Мы с тобой никогда-никогда
не бывали
в осеннем лесу.

ИЗ ЦИКЛА «В РАССЕЯННОМ СВЕТЕ
ОСЕННЕГО ДНЯ»

1.

Осенний день на вкус слегка горчит.
Он четок так, так стереоскопичен,
что кажется — чуть-чуть преувеличен,
и так хорош, что даже нарочит...

2.

О, как покорно в этот час
листва на землю облетала,
как будто право обретала
быть тише нас и ниже нас.
И поднимались мы над ней,
и шли себе в своих заботах...
Но там, в душе, но там, на дне,
незримое, сместилось что-то.
Итак, до будущей весны
(поскольку мы иной породы)
мы в жертву не принесены
святому таинству природы.
Но отчего же нам тогда
так неотступно беспощадно
в затылок дышит, как беда,
сознание, что пора прощаться?
И чувство смутное вины,
и непонятное смущенье,
как будто мы сейчас должны
прощать или просить прощенья...

3.

Я осенью захвачена врасплох —
сумятица, распутица, разладица...
Все у меня не клеится, не ладится,
и день дождлив, и ветер сыр и плох.
Я поймана с поличным на бегу.
Мне неуютно так, мне — неуверенно,
как будто что-то главное потеряно,
а что и где — я вспомнить не могу...
Ах, осень! Проходи уже скорей!
Мне из тебя не выбраться, не вырасти...
Ползет туман из серости и сырости,
и как из бездны, тянет из дверей.

4.

Осень, холодно, сыро, темно.
Дом похож на заклеенный ящик.
И стучится в глухое окно
голой веткою
клен проходящий.
Так впустите, впустите его,
ничего же ни с кем не случится!
... Только зря он в окошко стучится —
пусто в доме, и нет никого.
Мы ушли, чтобы встретиться с ним,
с этим старым размашистым кленом,
чтобы с ним,
золотым и зеленым,
попрощаться до новой весны.
Мы, конечно, его не найдем.
И, продрогнув на темной дороге,
возвратимся в заклеенный дом
греть у печки промокшие ноги.
Свет зажжем золотой и большой,
и уже никогда не узнаем
то, что клен постучал —
и ушел,
не дождавшись с прогулки хозяев!

5.

В рассеянном свете осеннего дня,
негрустно вздыхая о лете,
никто не вздохнет,
что не стало меня
на свете.

И голову к небу случайно подняв,
заметив,
как лист отлетает,
никто не заметит,
что вот и меня
ему не хватает.

И в плавном круженье осеннего дня
никто не поверит сначала,
что осень пришла потому,
что меня —
ей мало.

* * *

Дерево заглядывало в окна,
дерево вело себя нахально —
дерево озябло и промокло
в мире объективности реальной.
Дерево никак не понимало
жизни непреложного закона
и с упреком в мире законном
всё пустые ветки поднимало...
Дерево! Мне тоже больно, тоже!
Мы с тобой — одной природы дети.
Как помочь, когда помочь не можешь?
Как согреть всех зябнущих на свете?
Не сердись, дружище! Что же делать,
не горюй, да шут уж с ней, с листвою!
Все несовершенства в мире белом
всё же окупаются с лихвою!
И когда придет пора расцвета,
и весна устроит шумный праздник —
разве вспомним мы с тобой про это?
Если доживем,
то вспомним разве?

Командировка в сентябре

Мне дома казалась дорога,
маячившая в окне,
нелепой, ненужной морокой,
в насмешку навязанной мне.

Но сдвинулась и закрипела
чугунная ось колеса —
внезапное солнце запело
окрест по осенним лесам.
И мне незнакомые травы
кивали, смеясь и даря
давно позабытое право
на праздничный мир сентября.

Неужто могло бы так случиться,
что я, устрасясь перемен,
решила бы дома остаться
и чем-то заняться — взамен?

И если бы я не решилась —
исчезли б и поезд, и лес,
и в мире бы не совершилось
воскресных сентябрьских чудес...

И мне б неизвестным осталось
(навек неизвестным уже!),
какая счастливая малость
довлеет беспечной душе!

* * *

В маленьком дворике,
за дровяным сараем,
то воздымаясь,
то низвергаясь ниц,
мечется дерево,
в небе закатном сгорая,
с веток косматых
швыряя орущих птиц.
Что ему делать?
Как эту ношу сбросить,
эту тревогу,
вслед за которой — беда?
И невдомек ему —
это вступает осень
в жилы его,
поднимаясь в них, как вода.

А позже — за окнами
улица спит немая,
ночь насторожена
близкой глухой зимой...

Так и любовь наша мечется,
не понимая,
что происходит с нами
и с ней самой.
Где же весенние, звонкие,
чистые птицы,
ясное озеро
утренней свежей зари?..

- Что ты не спишь?
- Да опять почему-то не спится.
- Что ж ты молчишь?
- Да о чем же теперь говорить?

У очага

1.

Опять мелкоколосьем
потянется долгая осень,
и небо просядет
под муторным грузом дождя,
и будет сочиться,
но так и не грохнется оземь,
в глубинах своих
до критической точки дойдя.
И будет пора
заунывная, как отпеванье,
где ветер сечет
как опилками из-под пилы...
Сойдемся к огню,
чтобы с ним разделить ликование —
восторг от поленьев,
шипящих в избытке смолы!
Выкармливать с рук
эту жаркую, хищную птицу,
гудеть в переходах
и искрами рваться из труб...
И осень отступит.
И въедливый дождь прекратится —
ведь нам не впервой
этот добрый языческий труд!

2.

Не отодвинуть белые полки,
не миновать метели наступленья...
И комната снижает потолки,
и холода велят колоть поленья.
Опять огонь заманим в дымоход —
ручную птицу, маленькое лето,
и пусть она не в Африке, не где-то,
а рядом с нами в комнате живет!
Мороз запахнет хлебом и жильем,
когда огонь мы, воротясь, раздуем...
Не в первый раз!
Авось, переживем.
Не привыкать.
Авось, перебудем!

* * *

На дорожках прозрачного сада,
у темнеющей кромки воды —
всюду птичьи следы листопада,
всюду осени лисьи следы.
Над асфальтом, блестящим и черным,
крепко ветки сплетая свои,
так доверчиво, так обреченно
золотая природа стоит.
И под небом, пронзительно-ясным,
вдруг понятно становится нам,
как она беззащитно прекрасна,
как прощально нарядна она.
В сад просторный, недвижимый, покорный —
нету сил — невозможно войти!
Чей-то взгляд бесконечно спокойный
бесконечно печален и тих.
И не вынести этого взгляда,
и не выдержать этой беды —
эти птичьи следы листопада,
эти осени лисьи следы...

ЗИМНИЕ ЗАРИСОВКИ

* * *

Когда на землю
хлынут холода,
все по утрам
синё и покаянно,
и зимняя, хрустящая звезда —
как леденец
из лужицы стеклянной.
С высоких веток
облетает ночь,
упругая,
пружинит под ногами,
и по небу
звезда идет за мной,
чуть-чуть вперед
все время
забегая.

* * *

Давай уйдем
в такую тишину,
где даже ели
лапами не дрогнут,
где воздух можно
раздвигать и трогать,
как плотную зеленую волну.
Два камешка,
ушедшие на дно,
с зеркальной глади
не всплеснув ни круга,
давай вплетемся
в замершую вьюгу,
как будто жили там
давным-давно.

* * *

Ты выходишь смотреть,
как не падает медленный снег,
как зима наклонилась
над маленьким городом в белом.
А в тумане ветвей —
полутень, полусвет, полусмех...
Ах, душа! Ты опять
перед чудом зимы оробела!
И уже не уйти,
и не сдвинуться вбок или вглубь,
не сойти с полотна
убеленных домов и кварталов,
и остаться на нем
в незаполненном левом углу
той единственной точкой,
которой ему не хватало.

Зимнее утро

И новый день,
как осторожный зверь,
понюхал землю
и следы у входа,
потрогал лапой
запертую дверь
и ощутил —
рождение и холод.
Стоял декабрь.
И в небо из трубы
летели искры
с дымом вперемешку.
И день пошел
по улицам трубить,
что он — рожден,
и не желает мешкать!
Перевернув
будильники вверх дном,
он тормозил людей
в домах кирпичных,
как будто был он
самым главным днем,
как будто не был
зимним и обычным!

И город
просыпался и галдел,
спешил народ
с заботами подмышкой...
И между нами
суетился день —
такой смешной
и зимний коротышка.

Сад зимой

1.

В коралловых ветках бесшумного зимнего сада
багряное солнце стоит, опершись на копье...
А жизнь коротка
(что, конечно, ужасно досадно!)
Но так хороша,
что прощаешь мгновенность ее!

2.

Меж грядущих и прошлых эпох
этот мир ни хорош, и ни плох,
он — прекрасен во всех своих видах!
О, зимы очарованный вдох
и серебряный выдох!
Эта жизнь, это чудо взаимны —
и не мнилось!
О, невечной зимы
мимолетная
царская милость!

* * *

Останусь в этом январе,
как мошка в капельке янтарной...
Увяз в заснеженной заре
седого солнца круг гончарный.
У долговязой у сосны
качнется шапка меховая...
Я крепко сплю.
И до весны
всё, что случилось — забываю.

* * *

Когда весною запляшут луны
в зеленых лужах у фонарей —
я снова стану всё той же юной
бездумной спутницею твоей.
Вернутся наши бродяжки души,
и мы вдруг вспомним —
огонь зеленый, и дождь идущий,
вокзал и полночь.
Опять потянет дымком горчащим,
и даль — как праздник.
И станет счастье
шумней, чем чаща,
и непролазней.
И всё нам будет легко и лихо —
срывать светила, сходить с ума...
Но всё пока что темно и тихо —
зима!

ВЕСЕННИЙ КАЛЕЙДОСКОП

* * *

И это все мы назовем весной.
И будет так: едва откроешь веки —
в тугих лучах кипят грачами ветки,
и свет висит отвесною стеной.
И это все мы югом назовем.
И будет так: земля уже дымится,
и улицы бегут к реке — умыться!
И март ведет нас за руки вдвоем...
А мы беспечно верим в чудеса,
мы чепухе безудержно смеемся,
и все никак с тобой не расстанемся —
минуту? Вечность? Или полчаса?
И всюду бродит дерзкий дух лесной,
и нам пока не страшно разлучаться...
И это все мы назовем — весной.
И лишь потом поймем, что это — счастье!

* * *

По детскому почерку почек
поди догадайся, узнай,
о чем бесконечно хлопочет
над нами, над миром —
весна.

О чем её запах зеленый,
щекочущий душу до слёз,
еще
не раскрывшихся клёнов,
еще
не оживших берез?

И, нас вызволяя из плена,
в победную дую трубу,
какие несет перемены,
какую готовит судьбу?

* * *

Весенний день подобен спектру,
в котором город видит сны,
где на полотнищах проспектов
размыта акварель весны.
Скорей!
На улицу!
Там чудо
пришло неведомо откуда,
и ждет,
дразня и тормоша:
- Проснись!
Ну что ты, в самом деле!
Очнулся?
Ну, тогда — взлетели!
А жизнь
и вправду хороша!

* * *

Но, кроме прочего, пора,
чтоб дрогнули земные соки,
как будто небо на востоке
в преддверье раннего утра.
И своевременно уже,
чтоб потеплевшей синевою
был полон мир над головою
до самых верхних этажей.
Но как бы это ни назвать —
восторг,
везение,
весна ли —
еще не то случиться с нами,
когда проклюнется трава!

* * *

Ветвей весенняя сумятица,
внезапно двинутая вверх,
засуетится, и спохватится,
и забормочет о листве.

И всю весну
припомнив залпом,
и обалдев от перспектив,
вдруг полыхнет
зеленым залпом
по зимней затхлости квартир.

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСНА УЛЫБАЕТСЯ»

1. Вечерние размышления
по поводу и без

Фонари вполнакала,
одинокий, скучающий лай...
Это местная полночь
за окнами звезды считает.
Вот сидим мы, смешные,
и наши смешные дела
наступают на нас,
обступают — и не отступают!

А за окнами — вечность...
И такая кругом благодать —
просто хочется встать
и клеймить суету и беспечность!

Только что нам до вечности?
Нужно обувь в починку отдать,
нужно денег достать...

Нужно жить,
невзирая на вечность!

2. Этюд

Желтым и розовым маслом луны
залиты синие ночи весенние...
Это же надо — такое везение:
жить на земле в эти ночи весенние
в желтом и розовом свете луны!

3. Вечер

Томясь весеннею привычкой,
по территориям своим
для самой первой переклички
уже расселись соловьи.
И лунный диск,
тугой и медный,
уже извелся взаперти...
А майский вечер
медлит, медлит —
и не решается войти!

4. Прodelки марта

Март — недоучка, самозванец!
Как ученик с последних парт,
бежит, схватив пальто и ранец,
по рыхлым лужам
рыжий март!
Пар от земли — как из кастрюльки,
и смех, и шум, и торжество,
и с визгом мокрые сосульки
шарахаются от него!
Ему б неразбериху сеять,
да куролесить без конца...
Но тут внезапно
грянул север
над головою сорванца.
И, сдерживаясь, что есть мочи,
топча смиренно тротуар,
лукавый март
потупил очи,
как перед завучем — школяр.

* * *

...А издали,
будто издревле,
по душам бредет наугад
цветенье плодовых деревьев,
таинственный их аромат.
И в дебрях десятого чувства,
где все наши тайны видны,
живет любопытное чудо —
зеленое чудо весны.

* * *

Это всё потому,
что уже распускаются листья,
и колючие искры
растаяли в темной воде,
и скрестили закаты
над городом рыжие кисти,
и высокое небо
склонилось над нами:
— вы где?
Это всё потому,
что, привыкшие спорить и злиться,
мы внезапно сказали
друг другу иные слова...

Это всё потому,
что уже распускаются листья
и на ржавых газонах
молодая дымится трава.

Перед рассветом

Смотри —
уже первая птица проснулась.
Она неуверенно так щебетнула,
и вдруг замолчала,
как будто споткнулась,
как будто бы тайну какую сболтнула.
За нею — еще...
Всё смелее, всё чаще
звонят ручейки
предрассветного пеня,
чтоб мы просыпались
с предчувствием счастья
в щебечущем, солнечном
мире весеннем!

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

*Лепи, лепи при свете фонаря,
кидайся в бой, счастливый и отважный,
пока бесцеремонная заря
не сдернет покрывал со строчек влажных...*

Еще всё слепо, перевозданно, грубо,
мир предстоящий только предстает.
Еще судьба — бесформенная глыба,
где лишнее отсечь мне предстоит.
Достанет ли трудам и сил, и духа?
Что выйдет — сокрушаться? Сокрушить?
... Безмолвен мир — ни шороха, ни вдоха.
Ну что ж, душа!
Пришла пора — решать!

* * *

Тебе сегодня повезло:
ненаказуемое зло
наказано, и жалкий хвост поджало.
И потому твоё добро
меняет шпагу на перо
и чистит фрукты дедовским кинжалом.

Ты будешь счастлив день, и два,
пока не высохнут слова,
пока не выпцветут зелёные чернила...
И ты опять махнешь рукой
и скажешь: «Я — такой-сякой,
и справедливо все, что раньше было!»
Не огорчайся, погоди,
не все на свете позади,
еще мы посмеемся, право слово!
Еще на шпагах: «Раз, два, три!
А ну-ка, что у вас внутри?»
я так и знал — мякина да полова!»

А нынче, что ни говори,
пора засесть за словари,
чтоб развести добро и зло в первоначале.
И улыбается заря
нам со страницы букваря,
и жизнь идет —
не то смеша,
не то печаля!

* * *

Под осень травы наденут траур,
пожухнут листья.
Но кто здесь прежде творил и правил
резцом и кистью?
На чем замешаны краски эти?
На чудедействе?
На родниковом, на лунном свете?
На снах, на детстве?
Кто отпечатал все эти тени?
Кто в эти выси
живую, сильную плоть растений
воздвиг, возвысил?
Кто эту нежность копил веками
с таким секретом,
чтобы не делать нас должниками,
даря нам это?

* * *

Что мне терять?
Я ничем не рискую!
Круглую кисточку в руки возьму,
в краску макну её, и нарисую
весну.
Пусть неуклюжею будет она
(краски — неммыслимо яркого цвета!),
все-таки это
будет не лето,
будет — весна!
Видите: белая вишня цветет,
яблонька в розовом рядом кружится,
синее небо на землю ложится,
пухлое облако в небе плывет...
Вы ироничны:
«Ну, сущее детство!
Всё — непохоже, не так...»
Ну и что ж?
Каждый из нас
на себя не похож,
если внимательней
к нам приглядеться!

* * *

Будни, будни!
Такая судьба —
торжество неминуемых буден.
Только всё не сдаемся мы, будто
вот сейчас пересилим себя!
Будто где-то за нашим окном
бродит счастье по мокрым дорожкам,
босиком, с рюкзаком и с лукошком,
о своем лепеча, об ином.
Будто кто-то в соседнем дворе
до рассвета на скрипке играет
так,
что лето от нежности тает
и трубит журавлём на заре.
Будто всё это так, суета.
Будто всё — впереди...
Но откуда
к нам пришло это детское чудо —
оживленье пустого холста?
Кто нам дал
эту дерзкую власть:
всё на свете увидеть иначе,
и поверить всему,
и, тем паче —
чью-то душу у буден украсть?!

* * *

Размеренным слогом —
о том, что за нашим порогом
качается солнце, как поплавок на волне.
Размеренным слогом —
о многом, о многом, о многом...
И даже о малом —
о море, шумящем во мне.
Размеренным шагом —
по облакам и оврагам,
по пням и корягам,
по тропкам в траве-лебедь.
Размеренным шагом —
навстречу делам и бумагам...
А может — навстречу
случайно упавшей звезде?

* * *

Деревянными пальцами
гаммы играть,
без надежды добраться
до Баха и Брамса.
И под первым ударом судьбы —
умирать,
и с ударом вторым —
воскресать из упрямства!
Только так!
Только так!
И опять — только так!
Начинай же учение,
плача и мучась!
Он придет, он возникнет —
божественный такт!
О, треклятая!
О, драгоценная участь!

* * *

Строка,
упругая, как лоза,
смеясь,
заглядывала в глаза,
блестела листьями
на весу,
роняла — капельками — росу,
и убегала
среди бела дня
по стенке каменной —
от меня!

* * *

Льву Траспову

Волною рухнуть
в глубину бумаги,
кустом сирени
сквозь нее продаться —
чтоб ощутить
связующее братство
мгновенного всеобщего родства.
И пусть снаружи
скрещивает шпаги
все то, что не вмещается
в слова —
бежит волна,
смеясь и задыхаясь,
дрожит сирени
буйный, влажный хаос,
и в тот же миг,
едва не опоздав,
наискосок,
из синевы сквозящей,
сквозь этот мир,
живой и настоящий,
пронзает ночь
бенгальская звезда!

* * *

По плечу ли тебе это дело?
Или так, петушиный восторг:
- Полечу-у-у! —
И взлететь на плетень,
и об этом орать оголтело?
Не хочу!

... Ну, так клюй свои зерна,
копайся в засеянных грядках,
обживай свой насест,
свой убогий куриный уют...
И, пожалуйста, слышишь,
не летай, ради Бога, не надо —
засмеют.

* * *

Не поддавайся же
этим дешевым соблазнам!
Силой твоей станет слабость,
томясь взаперти.
Пусть вся душа изведется:
- Согласна, согласна! —
Не поддавайся на это,
и ей — запрети.
Чуда не будет.
А будет неженское дело
камни дробить,
да алмазною пылью дышать,
чтоб бушевала,
как маленький запертый демон,
чтобы крепчала,
чтобы умнела —
душа.

* * *

Что бито баклуш!
Что по свету рассеяно слов!
Что детской наивности —
ждать появления чуда...
А я всё гоняюсь
за странным моим ремеслом —
быть легкой и звонкой,
счастливой и юной повсюду.

Что горечи узнано!
Что обид сквозь меня проросло!
Что судеб во мне разметалось,
да бед, да любовью...
А всё не могу я освоить своё ремесло:
быть светлой и нежной,
и радостной быть — для любого.

Что будней пустых,
как сухого песка нанесло.
Что дел бесполезных —
таких, что и помнятся смутно...
А всё не дается мне в руки
моё ремесло:
быть мудрой и ясной,
и нужной —
хотя бы кому-то!

* * *

Он хотел нарисовать птицу,
но получилась девушка,
и легкие светлые пряди
взметнулись от сквозняка.
Он хотел нарисовать крылья,
но девушка улыбнулась —
и крылья тугие опали
там, в глубине бумаги.
Он хотел нарисовать дерево,
которое вышло в осень.
Печальной черное дерево
в желтых наклонных лучах...
Но девушка засмеялась,
толкнула бумажные двери,
и больше уже в этот вечер
он не мог ничего рисовать.

ИЗ СБОРНИКА «АКВАРЕЛИ»

* * *

Сергею Прудкому

Был дождик вдохновенным, как художник,
он так творил, он так повелевал,
что каждый в этом мире ликовал —
и воробей, и клен, и подорожник.
Был дождик кропотливым, как садовник,
он землю поливал, как очищал,
он ничего земле не обещал,
но расцветал от радости шиповник.
И было так, что всех он понимал,
что врачевал угрюмость и усталость,
и если небо
ниже опускалось,
то это он
нас к небу
поднимал.

* * *

Наши руки пропахли
совсем не духами.
Наши руки пропахли
машинным дыханьем,
и соленой соляркой,
и рыжим железом,
и немножечко — солнцем,
и немножечко — летом.
Мы их прячем, озябших,
и чем-то смущенных,
непохожих на руки
таких же девчонок.
Временами им снятся
чьи-то чуткие пальцы,
как холодному морю
снятся теплые пальмы.
Даже если они
от всего отдыхают,
наши руки не пахнут
дорогими духами.
И лежат они строго,
и опять отчего-то
пахнут трудной дорогой,
пахнут черной работой.

* * *

Не открываю новых истин,
живу - как все вокруг меня,
как желтый лист средь желтых листьев,
как белый свет средь бела дня.
И мир мой так же многогрешен,
и так же чист, в конце концов,
как мир черемух и черешен,
как мир скворешен и скворцов.

* * *

Пройдет ли тихий дождь,
смущаясь и смеясь,
падет ли желтый лист,
шурша подсохшим краем —
я скрипка и струна.
Я плачу и играю
меж миром и собой
таинственную связь.
Я снова — все и вся.
И эхом многократным
унесены мои легчайшие следы...
Прости меня тогда,
и не зови обратно
из неба и травы,
из солнца и воды.

* * *

У меня в этом городе
есть свои сказки и басенки,
есть зеленый петух
на резной, на полуночной башенке.
И большая звезда
до рассвета над ним не растает...
Никакая беда
не найдет меня в нем, не достанет!

Крыши

Под солнышко,
выше и выше,
спеша, кувыркаясь, бочком
карабкались красные крыши,
ладошки сложив козырьком.
Курчавая зелень кипела,
лучи осыпались, звеня,
и первая крыша успела,
рванувшись, вершину занять.
Увидев, что некуда выше,
среди узловатых ветвей
столпились усталые крыши,
смущенные спешкой своей.
И там, под верхушкою самой,
листву расплескав по плечам,
уткнулись друг в дружку носами,
оставив макушки
торчать!

* * *

Опять ко мне
приходит теплый дождь,
качают тучи тучными боками...
Я выхожу,
сажусь на круглый камень
и спрашиваю дождь:
- Ну, как идешь?
Он топчется,
смущается,
и в нем
позвякивают струи,
словно струны.
- Да ничего, - он говорит, - не трудно.
Спасибо, потихонечку идем!
И дальний гром
зовет его баском,
и дышится — как будто рядом сосны.
И шлепает по лужам
босиком
умытое, сияющее
солнце.

У проходной

Это закат — он виноват,
что показалось мне —
сто парусов, как сто голосов
вспыхнуло в вышине.
Маленький бриз, и город, как бриг,
тронется — и пойдет.
Так, налегке, вниз по реке,
вниз — и за поворот.
Плеск парусов, шум голосов,
лепет речной волны...
Шутит со мной у проходной
первый закат весны.

Голубые кораблики

Оттого, что веселые зяблики
проболтались о дальних краях,
рисовать голубые кораблики —
основная работа моя.

Я рисую с утра и до вечера,
даже в самые мрачные дни,
для того, чтоб легко и доверчиво
от меня уплывали они.

И легко, как раздаивать яблоки
(даже легче, чем их рисовать!),
незнакомым прохожим кораблики
просто так по пути раздавать!

Под любимыми ветрами и ливнями,
на любую придя параллель,
обязательно станут счастливыми
капитаны моих кораблей.

И до самой таинственной Африки
(ты на палубу только шагни!)
доплывут голубые кораблики,
потому что не тонут они!

Потому что, почти невесомые,
неподвластные гневу волны,
голубые они и веселые,
и в хороших людей влюблены.

* * *

Там, далеко,
за желтыми лесами,
не зная слов
«разлука» и «конец»,
твоя душа
с лукавыми глазами
грызет большой
счастливый леденец.
Там солнце
с апельсиновой коркой,
там небо
с воробьями в голове...
И дождь идет
босой,
вишневый,
горький,
и день стоит
на цыпочках
в траве.

* * *

Длинные тени
просторно легли на дорогу,
дальняя стая
проносится медленным клином...
Я ежедневно
с земли ухожу понемногу,
но до конца я ее
никогда не покину.

* * *

И женщина во сне
смеется,
и даль
светла и холодна,
и плещется звезда
в колодце,
и не достать ее
со дна...

* * *

Если бы это было в первый день —
я бы придумал солнце,
и назвал его
твоим именем.

Если бы это было во второй день —
я бы придумал улыбку
и назвал ее
твоим именем.

Если бы это было в третий день —
я бы придумал песню
и назвал ее
твоим именем.

Но мы прожили на свете
так много тысячелетий,
что мне никто не ответит,
как называть тебя...

* * *

Когда звезда вбежала впопыхах
в огромный мир из синевы прозрачной,
еще закат сиял на лопухах,
еще вода в прудах была незрячей.
Еще в кустах неподвижных тишина
тугих ветвей к земле не пригибала,
и только удивленная она
для нас двоих
была и улыбалась.
И свет стоял такой, что от него
весь мир сиял, как вешняя обитель,
и не было на свете
никого,
кто б в этот вечер
мог ее
обидеть.

Наше время

Валерию Карнауху

А что есть время?
Год?
Минута?
Час?
Чреда эпох
с момента сотворенья?
Нет, наше время
состоит из нас,
вот потому оно —
и наше время!
Живущие в иные времена
иные для себя откроют выси.
Но наше время
состоит из нас,
и суть его
от наших дел зависит.
Спешите же
посеять семена
добра и красоты на этом свете!
Ведь наше время
состоит из нас
и потому
мы за него
в ответе!

* * *

Звонят в ночи
косые ливни звезд...
Мы в звездопады
чаще замечаем,
как ночь встает
во весь огромный рост
и город на руках
слегка качает.
И так, качаясь,
он плывет сквозь сон.
Спят улицы,
в дневной жаре напарясь,
и месяц,
как надутый ветром парус,
над городом уснувшим
невесом.

ИЗ СБОРНИКА “ЗВЕЗДНЫЙ КОРАБЛЬ”

* * *

Не убивайте в себе соловья.
Пусть проживает он там беспечно.
Даже в отчаянье,
даже случайно —
не убивайте в себе соловья!
Он поселяется в каждой душе —
маленький, робкий, пока молчаливый.
В самой несчастной,
и в самой счастливой,
в замкнутой самой,
и в самой болтливой,
но обязательно — в каждой душе!
Будьте добры, не вспугните его!
Он удивительно хрупкой породы,
он ведь еще не отвык от природы...
Будьте добры — не вспугните его!
Вы удивляетесь — он не поёт.
Право, тут не о чем вам беспокоиться!
Дайте в душе ему вашей освоиться,
дайте ему понадежней устроиться,
и не волнуйтесь —
он сам запоёт!

* * *

В конце концов —
не в рифмах же всё дело!
Не в том, какой размер
шагать велит!
Всё дело в том,
чтобы строка — запела,
а дудочка — откликнулась вдали!
И в том еще,
чтобы строка спросила:
«Согласны ли
вы так в меня войти?»
А все вокруг кивали бы:
«Спасибо! Конечно — так!
Мы — только так хотим!»
А промолчат —
тогда спроси их снова,
ищи ответ, добейся своего...
Всё дело в том,
что существует —
слово.
Всё остальное — только тень его.

* * *

Вот холст
натянут на подрамник.
Неверным светом освещен,
он беззащитен, как подранок,
как броненосец — защищен.
Пока никто над ним не властен —
ни кисть, ни замыслы твои,
какие скованные страсти
его безмолвие таит!
Там, в глубине его, заложен
любой исход, любой эскиз...
Так будь же трижды осторожен,
художник, поднимая кисть!
Единоборствуй! Всё — возможно!
Яви сокрытое внутри!
Но только ничему, что ложно,
случайно
дверь не отвори!

* * *

Бродит музыка меж людьми,
откликается, как пароль,
укрывается за дверьми,
вырывается — не неволь!
... Мы — как ноты, разобщены.
Кто по свету рассыпал нас?
Не хватает одной струны,
самой главной на этот раз.
Не громовой, не басовой —
ручейковой и ключевой!
Самой тоненькой, самой тихой —
как пушинкою по лицу —
той, которая над зайчихой
паутинкой звенит в лесу.
Той, которую мы случайно
разорвали, не разобрав,
что она — это общая тайна
нас и неба,
земли и трав.

ИЗ ЦИКЛА «НАЧАЛО»

1. Игрушки.

Сошедшимся на ночь к кровати,
растрепанным, теплым, ручным,
беспечным — о чем горевать им?
Какие рассматривать сны?

Когда разноцветная птица,
спускаясь, обронит перо,
во что им еще воплотиться,
как только не в свет и добро?

И этим живя дарованьем,
легко ли дожидаться утра
всем плюшевым и деревянным
доверчивым детям добра?

И полночь,
толпясь за плечами,
пока они рядышком с ней,
не сделает мира — печальной,
не сделает ночи — темней!

2. Рисунок.

По бумаге меловой
ходит книзу головой
то ли дождик запоздалый,
то ли леший-лесовой.
Просто места было мало,
я б ясней нарисовала,
чтобы вышел,
как живой,
этот дождик запоздалый,
этот леший-лесовой!

3. Лошадка.

Вот в страну веселых беспорядков,
к шлепанью по лужам босиком,
скачет деревянная лошадка
за своим отважным седоком.
Вот она примчится утром рано,
застучит у запертых ворот...
Ах, откуда знать ей, деревянной,
что никто тут больше не живет?
Что уж все состарились порядком
и не слышат топота копыт...
Ах, напрасно верная лошадка
бьет копытом каменную пыль!

* * *

Это — родниковые рассветы,
это — тяжесть капель — ни о ком,
это — осень.
Или, может, это —
птичье счастье
с круглым хохолком.
Это дали залиты пожаром,
это высь над городом чиста...
Это нынче
раздаются даром
радуги
у старого моста!

* * *

Герману и Маше

Гулким ли небом
стоять по лесам,
в сумерках
эхом шагов растворяться,
падать листвою,
дождем повисать —
только бы с вами
не расставаться!
Ветром ли,
щебетом птиц из-за штор,
только бы здесь,
от рассвета до темени,
в том же отрезке
пространства и времени
быть кем угодно —
но рядышком чтоб!
Вашу судьбу
заучив наизусть,
оберегать вас
до смертного часа.

Пусть — незаметной,
незнакомой — пусть,
только бы с вами
не разлучаться!
Быть — ненавязчивой,
не досаждать,
но окружать вас
зимой и летом...

А под какими
дождями лежать —
мне всё равно.
Лишь бы рядышком где-то...

* * *

Начаться!
Умчаться за тысячу бед,
за тысячу зим и печалей,
за тысячу весен и тысячу лет
к чудесному чуду причалить!
Пускай все заботы останутся тут,
все будни, все злыдни, все беды.
... А впрочем,
меня там, пожалуй, не ждут,
а ждут меня дома, к обеду.
Ведь дом мой
совсем без меня пропадет,
остынут и печка, и ужин...
А чудо — оно никуда не уйдет,
пока
ты кому-нибудь
нужен!

Встреча

Этим вечером влскомый,
незнакомым стал знакомый,
и причудливые игры
затевала темнота.
А навстречу нам из мрака
плыли знаки Зодиака
и большие тени ночи
шли за нами по пятам.
Всё сместилось, всё смешалось,
всё текло, перемещалось,
и, нетронутый луною,
где-то дымный спал восток.
Так мы шли, и целый вечер
плыли бездны нам навстречу,
увлекая нас всё глубже
в неизвестность и восторг.
Слишком много в этих безднах
было знаков бесполезных,
слишком долго мы смотрели
в их клубящуюся мглу...
И в хрустальном переулке,
словно музыка в шкатулке,
навсегда застыли тени
наших жизней
на углу.

* * *

О, эта легкость
крыльев опаленных!
О, эта милость —
мир боготворить!
И осень вброд переходить,
как клены,
и все слова
на листья раздарить.
И на ветру, как тетива тугая,
застыть на повороте, на лету,
крылами прикрывая наготу
и собственной отважности
пугаясь.

* * *

Лесе Клименко

Сто горестей
вокруг толпилось,
и сто обид кивало мне...
Но печь в моем дому
топилась,
и свет горел
в моем окне.
И потому, что среди ночи,
хоть пеший ты в пути, хоть нет,
раз в десять путь любой короче,
когда тот путь
лежит на свет —
своих обид я не лелею,
и горестей не ворошу.
Я жду.
И дров я не жалею.
Я жду.
И лампы не гашу.
Ста горестям — не вечно длиться,
обида канули — и нет!
Но печь в дому
должна топиться!
И должен свет
гореть в окне!

* * *

И лететь, и срывать на скаку
золотые светила,
по вечерней земле
горячить молодого коня...
Ах, на эти лихачества
и меня бы, пожалуй,хватило,
но на тихую жизнь — увы! —
не хватает меня!

ТРИПТИХ

1.

Огонь мне щеки лижет изнутри —
он рвется прочь,
неукротим и плотен...
Прильни, попробуй!
Если не соришь —
тогда ты мой,
из той же самой плоти!
Зрачками — бездна.
Ввек не обойти.
Лететь — и то умаешься в полете.
Рискни, попробуй!
Если долетишь —
тогда ты мой,
из той же самой плоти.
... И то же пламя —
в очи из очей,
и бездна — в бездну,
и не дрогнем даже...
Теперь ты — мой.
И больше ты — ничей.
Ты только мой.
Мой — до конца.
И дальше.

2.

Стань маленьким, уткнись в мои колени,
беспомощно шепни своё «прости»...
Пройдут снега, как белые олени,
рога большие долу опустив.
Пройдут века.
Но что нам за печаль!
И вечер наш на вечность не рассчитан.
Пока плавает и плавится свеча —
стань маленьким,
ищи во мне защиты.
Мрак по углам сгущается, клубясь,
качая тени медленно и строго.
От всех обид я уведу тебя —
стань маленьким,
и отдохни немного.
Пусть завтра будет всё — наоборот,
пусть старый груз на день потяжелеет,
пока свеча
мерцает и плавает —
стань маленьким.
Уткнись в мои колени...

3.

Когда весна обезоружит
и всё перевернет вверх дном,
когда в парных и теплых лужах
запляшет небо за окном,
когда душа твоя проснется
и робко солнышка коснется —
тогда поймешь, что мир — велик,
а дом мой — скучен, стар и тесен,
и для тебя неинтересен,
и что душа твоя велит:
- Немедленно! Сейчас! На волю!
... Ну, что ж! Пусть — так.
Я — не неволю.
Я не держу.
Прощай, мой друг!
Со мной ты выжил в эту стужу.
Но мой очаг уже не нужен...
До новых бед!
До новых вьюг!

РАЗРЫВ

1.

Брожу в пустых координатах:
любил когда-то;
был когда-то;
да стала вдруг нехороша...
А за стеною этой клетки
живет снегирь на черной ветке,
снег осыпается, шурша...
И бьется о тупые прутья
не в тупике, не на распутье —
в недоумении душа.

2.

По праву дождя,
по листвы бессловесному праву,
по праву любви
и по праву природы самой,
приду к тебе тихо,
как ветер, ступая по травам,
склонюсь к изголовью:
- Ну, как ты,
единственный мой?

Но встанут стеклянной стеною
предметы и звуки,
по праву живущих с тобою
в пространстве одном.
И тут я пойму,
что по горькому праву разлуки
я стала невидимой,
как в измеренье ином.
Прощай же, далекий!
Я даже тебе не приснилась.
Ведь даже во сне
ты уже позабыл обо мне!
По праву звезды
я над снами твоими склонилась,
по праву слезы
я растаю в соленой волне.
И полночь вздохнет,
и расправятся смятые травы.
Последней надежды
прервется песчаная нить...
Мы оба — правы.
А вернее — мы оба неправы,
и жаль, что не в праве
никто ничего изменить.

* * *

Ужель душе пришла пора стареть
и отвернуться от меня в обиде?
Еще не разучилась я смотреть,
так почему же разучилась — видеть?
Лицо исчезнет позже. А сперва
из памяти выскальзывает имя.
Еще не позабыла я слова,
но стала скупко пользоваться ими.
И все идет, как шло — само собой,
и ничего, как будто, не случилось...
Еще не разлучилась я с тобой,
но быть твоей любимой —
разучилась...

* * *

И ни о чем, что будет — не жалею,
и ни о чем, что было — не грущу,
и если ты войдешь сейчас в аллею,
я всё тебе,
как мальчику, прощу.
Но если с нами что-нибудь случится,
и мы проснемся в середине сна,
то это значит —
улетела птица,
которая любила
только нас...

* * *

Душу оберегая
от страсти, как от огня,
смотрю,
как живет другая,
похожая на меня.
Как кружит она рисково,
не задевая стен,
как в черных глазах раскосых
татарская пляшет степь.
Смеется, не напрягаясь,
судьбы своей не кляня...
Какая она другая,
похожая на меня!
И даже не презирает,
когда за спиной сует,
от зависти умирая,
похожая на нее!

НА ГРАНИ СНА И ЯВИ

1.

Из сожаленья музыка рождалась,
и, отражаясь в старых зеркалах,
она едва не превратилась в жалость,
но, покружась, на грани удержалась,
и было всё. И только жизнь прошла.
Она прошла, нигде не задержалась,
и даже не присела у стола.
Уже рука незримая разжалась,
уже я от всего освобождалась...
Но было — всё!
И музыка — была!

2.

И музыка
на грани сна и яви...
Еще ее воспринимаешь, но
так сладко все на свете смещено,
что ничего не хочется исправить!
И музыка туманная в оправе
деревьев, комнат, родниковых нот,
которых семь, как в радуге, в октаве.
И уплывает синее окно,
и drobный дождь шуршит в саду о гравий,
и из всего осталось лишь одно —
что нынче снова нежность нами правит,
да музыка на грани сна и яви...

* * *

Пожалуйста, спи!
Сверчки свою пряжу прядут.
По теплой степи
запоздалые звезды бредут
вдоль пыльных дорог.
Потом исчезают вдали,
чтоб несколько строк
о них мы придумать смогли.
Под тяжестью стен
спит город в зеленом дыму.
Он только затем,
чтоб мы улыбнулись ему.
И весь этот мир
затеял своё торжество
чтоб в утренний миг
и мы
полюбили его...
Пожалуйста, спи!...

* * *

Певчие птицы
промыли хрустальные горлышки
и аппараты
для замысловатых рулад,
и запрокинули к небу
пернатые головы,
и затуманили
свой очарованный взгляд...
Вот, начинается!...
И потому — отменяются
в мире весеннем
разлуки и прочий разлад,
и огорчения все
насовсем отнимаются
и — разумеется! —
не выдаются назад!

* * *

Пушистая пена не пляшет,
волна на песок не бежит
и моря спокойная чаша
зеленою линзой лежит.
И всё удавалось пока что,
а может — и впредь повезет!
И парусник
белой букашкой
по выпуклой глади ползет.

* * *

Слова остывали,
как звонкие слитки,
как смуглые сливы
с отливом заката,
и пахли дождем —
как трава у калитки,
и морем, и рыбой —
как сети за хатой.
Они на июльской росе
настоялись,
скользили,
сквозили,
и пели в волне,
и были прекрасны,
и очень старались...
Но мы и без них
обходились вполне!
Их время —
наступит!

Обступят,
столпятся,
когда мы отсюда
вернемся к себе —
к туманам,
осевшим на ветках акаций,
к степным наговорам,
к дождливой судьбе.
Почуяв —
минута настала такая! —
они оживут,
чтоб с морозной земли
к нам в комнату снова,
смеясь и толкаясь,
и море,
и солнце,
и лето вошли!

* * *

Озарен и осчастливлен
и простором опьянен,
сумасшедший этот ливень
к нам ворвался с трех сторон.
Так огромен, так наивен,
с мокрой птицей на плечах,
неумен, неизбывен —
он плясал,
июльский ливень,
дробно пятками стуча.

* * *

Заря была затем,
чтоб мир стал чист и светел,
чтоб первый сонный птах
чирикнул из ветвей,
чтоб мы с тобой опять,
как маленькие дети,
влюбились в этот мир
в день старости своей.
Заря была о том,
что все легко в итоге,
о том, что к пустякам
не стоит привыкать,
что в облаках живут
и ласточки, и боги,
и каждый волен жить
хоть здесь,
хоть в облаках.
Заря была над всем,
что оставалось в силе.
Она спускалась к нам
из неба сентября,
чтоб, уходя, мой друг,
с собой мы уносили,
что в наш последний день
еще была
заря!

ИЗ СБОРНИКА “ПО ПРАВУ ЛЮБВИ”

* * *

Великолепие каждого мига,
очарование каждого шага —
жизни случайно раскрытая книга,
каждую строчку которой — во благо,
каждую фразу которой — во имя,
каждый, охваченный творческой жаждой,
запоминает словами своими,
переиначив по-своему — каждый...

* * *

Мне этот город незнаком,
я в нем держусь особняком,
я в нем гостей не созываю
и не горюю ни о ком.
И из раскрытого окна
так независимо и строго
гляжу на темную дорогу,
пока виднеется она...

* * *

За то, что ты была тогда
красивой и жестокой,
я стала тихой, как вода,
поросшая осокой.

За то, что ты была тогда
и гордой, и надменной,
я стала робкой, как звезда,
забытая вселенной.

За всё, чем ты была тогда,
царила и блистала,
на все грядущие года
я золушкой стала...

Но ничего, я — как-нибудь,
я — не твоя расплата.

Я всё снесу, но только будь
такой, какой была ты!

* * *

Да пощадят тебя тревоги,
и век, не знающий пощад,
и день, взмахнувший на пороге
крылом военного плаща.
Да минут горести и боли...
В краю любом, в бою любом
да оградит тебя собою
от всех скорбей — моя любовь.
И над твоей дорогой дальней,
не допуская к ней беду,
рукою тихой и печальной
я пронесу
твою звезду...

* * *

Это наша любовь
осветила осенние клены,
и упругие травы
пружинят у нас под ногой...

Хорошо, что мы оба с тобой
из бессмертного клана влюбленных —
что нам стоит в лесу
заблудиться на годик-другой?
Что нам стоит с тобой
очутиться в любом из столетий,
и в любом измеренье
уйти в направленье любом?

Пусть осенние клены
за нас остаются на свете,
освещая его,
как сегодня их —
наша любовь!

* * *

Ты говоришь со мной,
не зная,
что в мире пусто и темно,
что нет меня уже давно,
а если есть,
то я — иная.
Но разговор привычный тот
я не прерву, вздохнув устало...

Так свет звезды
еще идет,
когда звезды
уже не стало.

* * *

Синие, всеильные вокзальные огни,
Красные зрочки фонарей...

Что же ты стоишь? Добеги, догони!

Что же ты молчишь? Скорей!

Медленный вагон покачнул плечом,
красным огоньком мигнул.

Тихо застучал: «Ну, а я при чем?»

Я б его тебе вернул!»

Что же ты стоишь?

Ты беги, кричи!

Что же ты молчишь? Верни!

...Долго не растают в твоей ночи
поздних поездов огни.

* * *

Всё то, что мне дается с трудом,
тебе дается — шутя.
И тяжело мне,
как реке подо льдом,
когда в полынье — дитя.

Но нас один предсказал закон,
суть воплотила одна.
И то, что ты со мной незнаком,
только сближает нас.

И я затем на земле стою,
растаю в неё за то,
чтоб беззащитную легкость твою
не мог сокрушить никто.

* * *

Я буду ждать тебя в своем доме,
где тишина — как треснувшая глыба...
Вернешься если — молча всё пойму.
Приснишься только — и на том спасибо.
Но прежде, чем я стану тишиной,
движеньем смутным воздуха и света,
прошу тебя:
«Побудь еще со мной...»
(И про себя:
- не откажи хоть в этом!)

* * *

Всё сущее и прожитое,
зеленое и золотое,
сквозь шум и суету дня,
смясь, несется на меня...

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ»

1. Давным-давно в детстве.

О, дымная шерсть полуночного юга!
Пронзительный запах цветущих растений,
и ртутные волны (Ингула ли? Буга?),
и черных деревьев хвостатые тени,
оркестр духовой на открытой площадке,
тягучая, вязкая темень бульвара
(душа замирает тревожно и сладко
под круглое эхо от плит тротуара),
листвы лепетанье и всплеск разговора,
таинственный запах прохладного ила...

Таким я впервые
увидела город,
в который судьба меня
накрепко вбила.

2. В тумане.

Я узнаю туманы эти
с сияньем матовым внутри,
где, взявшись за руки, как дети,
бредут сквозь город фонари.

И мы в туманах тех бродили,
и мы в них таяли — увы!

И нам родители твердили,
чтоб не теряли головы.

Потом мы как-то поутихли,
куда-то что-то утекло,
и время терпкой паутиной
на лица прежние легло...

Теперь уже и нашим лицам
дано при встрече повторять,
что — ни в тумане заблудиться,
ни головы не потерять...

3. Август.

Созревшая до срока,
огромная на вид,
звезда над водостоком
на волоске висит.
Уж ей упасть бы надо,
пора уже давно.
Да только страшно падать -
темно внизу,
темно!

4. В темноте.

Город — сон и тишина.
Лишь один фонарь наказан —
он светить теперь обязан
у последнего окна.
Да шаги собой венчая,
вдруг щеколда в полусне
звонко звякнет в тишине —
словно ложечка за чаем.

5. Утро.

Смени свои обиды и обузы
на теплые дороги и поля —
и только что разрезанным арбузом
запахнет после дождика земля.
О, первые восторженные блики
во влажно шевелящейся листве!

И маленьким ты станешь,
и великим —
как солнечная капелька в траве.

* * *

А как я на свете жила?
С осеннею рощей дружила,
случайным лучом дорожила,
упавшим на крышку стола.
А кем я на свете была,
и что я такого умела,
помимо нехитрого дела —
полночи сидеть у стола?
И что я отвечу, когда,
врываясь с размаху, как поезд,
весенняя смочет вода
всей жизни моей бестолковость?

* * *

Между завтра и вчера -
тонкий мостик пешеходный
над рекой несудоходной
уходящего добра,
улетевшего тепла,
промелькнувшего момента -
быстрый мостик незаметный
между «буду» и «была»,
между «трудно» и «легко»,
между «радостно» и «грустно» —
быстрый мостик безыскусный,
уводящий далеко.
Между мною и тобой —
через пропасть,
через бездну
хрупкий мостик в неизбежность,
именуемый судьбой.
И не видно берегов —
оба где-то в дымке смутной...

Мостик мой сиюминутный,
сколько там еще шагов?

* * *

На теплом граните
среди опустевшего дня,
мой Ангел-Хранитель,
зачем ты оставил меня?
Тебе надоела
к земле пригвожденная нить,
и гиблое дело —
мои неудачи хранить?
Мой глупый, мой бедный!
Мы оба родились с тобой
под стертой, под медной,
увы — непобедной трубой!
Но так ли, иначе —
судьба нам досталась одна.
Чужие удачи
не застали солнца для нас.
Отвага чужая
нас делала тоже смелей,
а счастья, пожалуй,
хватило и нам на земле.
На прочие блага
нам изредка тоже везло...
Ну что, бедолага!
Спускайся —
починим крыло!

* * *

Блестящая монетка
непрожитого дня
легла на дно, играя
меж камешков щербатых...
Всего одна на свете
обида у меня —
мне не хватило места
меж певчих и пернатых.
И потому повсюду
мне чудится намек,
что я за всё живое
и певчее в ответе,
и потому, заслышав
предательский манок,
я первая бросаюсь
в расставленные сети.
И потому, всем певчим
не ровня, но родня,
бросаю я на счастье
свой грошик неразменный —
блестящую монетку
непрожитого дня —
чтоб в этот мир зеленый
вернуться непременно!

ИЗ СБОРНИКА “ДЕНЬ ЛЕТЯЩИЙ”

* * *

Чем, человек, удержишь
натиск волны взрывной?
Нет на земле убежищ,
кроме как в ней самой.
К стану какому пристанешь —
надежнее чтоб и теплей?
Нету иных пристанищ,
кроме души твоей.
Что от других ты скроешь,
вечности видный до дна?
Нет у тебя сокровищ.
Разве что — жизнь одна...

* * *

Все цветы,
что мной не подарены,
все слова,
что так и не сказаны,
все часы,
что зря разбазарены —
безысходной ниточкой связаны.
И вина моя, что ни год,
умножается и растет.
И от этого тяжелеет
и горчает моя душа...
А меня же еще жалеют,
и утешить меня спешат,
будто вовсе моя вина
не видна для них.
Не важна.

* * *

Анатолию Завгороднему

Природа без меня осиротеет,
утратит назначение свое —
лес замолчит и птица опустеет,
как будто небо вынут из нее.
И встанет день, да так и не проснется,
пойдет, недоуменья не тая...
И вдруг земля
о пустоту споткнется —
где я.

Юрмала

Янтарных, тягучих закатов смола
капелькой стала,
стала мгновеньем...

Помнят ли наши прикосновенья
сосен розовые тела?
Что оставляем мы, уходя,
в мире природы неторопливой?
В ласковом сплетничанье дождя?
В мерном, могучем дыханье залива?
Что там — на грани стеклянной воды
с белой полоской рассыпчатой суши?
Наши слова? Или наши следы?
Наши ли восхищенные души?
И не о нас ли,
влетев сгоряча
с жалобой к невозмутимому Богу,
все безутешные чайки кричат,
чайки кричат —
докричаться не могут?

* * *

Леониду Белоконю

Вот я, Господи, с просьбой какою.
Если выпадет мне уставать —
дай мне только стремленье к покою,
а покоя — не нужно давать!
Если суетной жизни заботы
встанут вдруг непроглядной стеной,
опали меня жаждой свободы,
но спаси — от свободы самой!
И в любом моем слове и деле,
наблюдая усердье мое,
дай мне сил, чтобы двигаться к цели,
но не дай — достиженья ее!

* * *

Забывтое слово — чертоги —
чуть слышно привстало во мне...

... И вот:

помрачневшие боги
на темной дубовой стене.

Не помню я, что это значит,
куда провожаю тебя,
но кони косматые скачут,
копытами землю дробя.

И я за решеткой резною
стою — ни жива, ни мертва,
и ветер, смеясь надо мною,
мои возвращает слова...

Давно за кровавым закатом
стремительный топот пропал.

Ты должен вернуться когда-то!

Смотри — зарастает тропа,
ржавеет решетка резная...

Неужто мне боги солгут?

... А что было дальше — не знаю,
и вспомнить никак не могу.
Тебя ль мне вернули дороги?
Какие свершились дела?
И были ли это чертоги,
иль хижина это была?

* * *

Илье Старикову

А разобраться — что нам нужно,
людям?

Ни громких дел,
и ни высоких фраз.

Но мы сильны,
пока кого-то любим,
и живы мы,
покуда любят нас!

* * *

Под дождь,
под шлепанье подошв,
под всхлипы хлюпающих улиц,
я знаю,
ты за мной идешь —
мой друг.
Мой спутник.
Мой безумец.
В угрюмом гореванье струй
под громкий говор водостоков
искать родню,
искать сестру
в пустых глазах ослепших стекол.
Под дождь,
под шлепанье подошв,
забыв года, забыв усталость...
Оставь. Не нужно. Не найдешь —
нам время разное досталось.
В неверном свете бытия
мы день за днем,
как круг за кругом,
всю жизнь скитались —
ты и я,
чтоб так и не найти друг друга.

* * *

До первого снега...
А там — заживет,
а там зарастет оно кожей нежной,
блестящей и тонкой.
Непрочной, конечно,
но всё же — затянуто, зажило, вот.
И вот я иду,
как ни в чем не бывало,
по белому снегу и свету опять.
Как будто бы жизнь меня
лишь баловала,
как будто меня
никогда не бивала...
А что до следов,
так ведь их — не видеть!

* * *

Не требуй же, юность, отчета
о том, что пропало во мгле.
Пускай родниковые ноты
полуночной снятся земле.
Пока лопушиное лето
в лесные озера глядит,
не ведай же, юность, ответа —
а что там у нас впереди?

* * *

Небо рухнуло на крышу,
как обвал.
Знаю, слышу —
это ты меня позвал.
Я иду —
и дуют ветры вразнобой.
Я иду —
мне нужно встретиться с тобой!
И не важно мне —
сестра или жена,
знаю только —
я сейчас тебе нужна.
Не гадаю я —
на радость? На беду?
знаю только —
обязательно найду!

* * *

Опять легко и бескручинно
взлететь
в безудержную высь,
пока меня с земли старинной
не кликнет кто-нибудь:
- Вернись!
Вернись, вернись —
печален полдень,
пустынен мир, слова пусты!
Вернись, вернись —
я руки поднял,
чтоб тихо опустилась ты.
Уж скоро солнышку садиться,
длиннеют тени на лугу...
Вернись!
Ты можешь заблудиться!
Вернись!
Я больше не могу...

В юности

В зеленом сумраке воды
и в зыбком колебанье света
мы проводили это лето,
не чуя в воздухе беды.
Но шла она по островам,
по скалам, по крутым дорогам...
Сложила что-то у порога,
и прошептала:
- Это — вам...
А мы не слышали с тобой
её глухого приближенья
в своем бесхитростном скольженье
меж небом, солнцем и водой.
Такая радость в нас жила,
такое счастье в нас кипело...
Беда — и та оторопела,
рукой махнула
и ушла.

Ирпень

Гроза подьемлет небо на дыбы,
крепчает ветер, и земля серчает,
и недовольно ухают дубы,
и головами тяжкими качают.
В который раз расколот небосвод
и грохотом раскатистым наполнен!
И, фыркая, сквозь ливень сад плывет,
шараясь от сумасшедших молний.

Песенка о счастье

Жар-птица, призрак, мираж, фантом —
синонимов не перечить...

(А счастье — след
того, чего нет,
но мы-то уверены — есть!).

И вот мы по свету за ним идем,
сто ботинок готовы сбить...

(А счастье — след
того, чего нет,
но что всё-таки — может быть!)

А мы всё ищем, а жизнь идет —
всё круче наши пути...

(А счастье — след
того, чего нет,
и что просто так — не найти).

Но мы всё верим, что рядом, что вот,
еще поворот — и тогда...

(А счастье — след
того, чего нет,
да и не было никогда!)
Так что же — напрасно мы столько лет
всем бедам своим назло?..

И счастье — след
того, чего нет,
да и попросту быть не могло?!)

А мир улыбается нам в ответ,
зеленый и голубой...
А счастье — свет
того, чего нет,
но что было всю жизнь — с тобой!

* * *

И снова обнаружить на вокзале,
что главного
мы так и не сказали.
Теперь уже не скажем никогда...

О, Господи! Прости нам поезда,
прости нам самолеты, пароходы,
внезапные приходы и уходы,
косноязычье любящей души,
кричащих глаз
немые монологи,
и эти все разлуки и дороги,
и этот бред в конце:
- Прощай.
- Пиши...

* * *

Не было меня. Не состоялась.
Может быть, по звездам не сошлось.
Может быть, меня непостоянность
постоянно увлекает — врозь...
Чтобы, позабыв свои привычки,
на стекло морозное дыша,
уносилась в шумной электричке
за весной, за нежностью душа.
Чтобы где-то там, ничья, чужая,
всё сметая крошки со стола,
поезда глазами провожая,
я чудес, как пряников, ждала.
Чтобы против — и дожди, и ветер.
И в хитросплетении дорог
чтоб меня никто на целом свете
ни найти, ни полюбить не смог...

* * *

И лежит наша жизнь позади —
как большая дорога,
разделенная надвое
общей нашей судьбой...

И любой диалог —
это, в сущности,
два монолога:
каждый
слышит себя
и беседует
только с собой.

* * *

Полюбилась эта жизнь
не за что-нибудь,
а просто.

Просто — море,
просто — остров,
просто — небо,
просто — жизнь...

* * *

Отяжелела душа и уже на парит.
- Что, — говорит, — я забыла
в просторах небесных?
Мне, — говорит, — и на кухне нисколько не тесно.
И вообще — это всё баловство, — говорит.
(Как незаметно мой мир
потускнел и поник!
Краски поблекли,
закаты — и те выцветают,
съежились звезды —
их с неба никто не хватает,
и постепенно совсем
забывают о них!..)
Я понимаю —
ну, как же душе не хандрить?!
Тут разлетишься —
от этих кастрюль и авосек!
- Слушай! А может
возьмем это всё и забросим,
чтоб хоть на миг —
оторваться,
взлететь,
воспарить?
Может, когда мы вернемся
домой поутру,

самую малость
в заоблачных высях понежась,
мир обретет
первозданную яркость и свежесть,
и распахнет,
словно в юности,
двери добру?
Что ты, душа моя,
так тяжела на подъем?
Раньше ты, помню,
была совершенно иною!
- Что ж ты, — она говорит, —
так боишься расстаться со мною?
Чувствуешь, значит,
что всё же надежней — вдвоём!
Если не терпится —
ну, так давай, воспарим!
Может, взлетим,
если сразу, конечно, не рухнем...
А не боишься
обратно вернуться на кухню?
Так что — подумай!
А я-то готова —
смотри!

* * *

- Не затевай сражений —
из них узнаешь ты
не горечь поражений,
а горечь пустоты.

- Не мельтеши, куда ты?
Зачем сходить с ума?
Не торопи утраты —
она придет сама.

- Не уступай соблазнам,
не преступай черты —
живи, как все, согласно
законам суеты...

...И ничего не затевая,
и никого не торопя,
я существую, неживая,
как будто рана ножевая,
сокрытая внутри себя...

ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1. Осадки, туман, гололед...

*По городу и области — облачно.
местами туман.*

Метеосводка

Облака обволакивали и обледали,
облагали бесчисленной ратью зонтов,
обрекали на сырость — зато отвлекали,
облекали в плащи — развлекали зато.
И покамест неделю окрестные дали
облетали под яростным ветром дотла,
нашей областью
лишь облака обладали —
удивительно облачной
область была!

2. Памятник

В полете поднимая лошадь,
и бронзовея на скаку
весь в мыле
вылетел на площадь
с горящей улицей в боку...
Позеленеть,
но ждать момента —
(десятилетия? Нет, века!) —
чтобы сорваться с пьедестала,
и гикнуть,
и умчаться вскачь!

3. Ветер

По Большой Морской
ходит день-деньской,
и шумит в листве запыленной
ветер дальних мест —
молодой зюйд-вест,
сам большой, морской и солёный.
Он качал суда,
он пришел сюда
отдохнуть и набраться силы.
Погулять окрест,
подразнить невест,
что уж больно они красивы!
Но когда в ночи
пароход кричит,
покидая причал вчерашний,
он на всё махнет,
и вослед махнет —
за винтом разгонять барашки.

**Шутливое послание представителям
слабого, но прекрасного пола.**

Где-то там, еще в начале вечности,
сыновья косматые земли
«лучшей половиной человечества»
нас
в порыве пылком нарекли.
Вот с тех пор и числимся мы — «лучшею»,
а не знаем, строго говоря,
так ли это.
Но во всяком случае,
мы не станем их разуверять!
С этой славой нелегко расстаться нам!
Шутка — после стольких-то веков!
Правда, нас сейчас эмансипация
малость потеснила с облаков.
В руки нам дала кирку с лопатой,
рычаги, штурвалы, колесо,
твердой обеспечило зарплатою,
сделала
«начальственным лицом»...
Столько дел, забот, хлопот, волнения
навалилось на прекрасных дам,
что на нашем месте, без сомнения,
сильный пол
давно бы дуба дал!

Ну, а мы — как будто так и нужно нам —
вертимся успеть и там, и тут,
так что нас и стрессы не одюжают,
и прогрессы дома не найдут!
Да к тому же нам еще, как минимум,
нужно, просвещаясь на ходу,
выглядеть с авоськами — богинями,
быть царицей — в кухонном чаду...

Правда, пол, зовущейся мужчиною,
наш оберегает пьедестал —
были бы мы худшей половиною,
он бы и смотреть на нас не стал!
Ну, а так, сомненьями не мучаясь
и от телевизора устав,
если и влюбляется — так в лучшее
сильный пол.
И он, конечно, прав!

Нам и впредь уже бояться нечего —
древней властью мы облечены
и навеки быть обречены
лучшей
половиной человечества!

* * *

На окошках, как на льдинах,
дремлют зимы.
Это очень хорошо,
когда любимы.
Хорошо,
когда в метели и в ненастье
чутким аистом
живет на крыше счастье...
Ну, а если
нет ни аиста, ни дома,
только крыша
из лучей, как из соломы,
только крыша —
ни трубы и ни порога,
за которым
начиналась бы
дорога...

* * *

И собственный опыт
полезен не более дыма.
Он застит глаза,
он лепечет о чем-то невнятном...
Всё в прошлом — понятно.
Но всё уже — неисправимо.
Тогда как сейчас
всё возможное —
так непонятно!

* * *

Светлане Дубовик

Жизнь была всего эскиз,
быстрый угольный набросок:
глаз, спина, толпа берёзок...
Завтра надо бы — за кисть!
О, текущие дела!
В вечной гонке,
в спешке вечной
жизнь казалась — бесконечной...
Оказалось,
что прошла.

* * *

Латаю дыры солнечным лучом —
выходят очень славные заплатки.
И, значит, снова в жизни всё в порядке,
а остальное — просто ни при чем.
С утра таскаю воду в решете —
по вкусу дело выбирает каждый.
И утоляют жажду те, и те.
А кто не утоляет — тот не жаждал.
Что я посею — вряд ли кто пожнет
(ну а пожнет — невелика потеря!)
А если жизнь в который раз прижмет,
в который раз я в это — не поверю!

* * *

Раз не о чем — то ни о чём
чекань серебряные ноты,
осточертевшие заботы
привычно оттеснив плечом.
Раз некуда — то никуда
иди-бреди, пока бредётся,
ночуй, как птица — где придется,
а главное — не вей гнезда.
Раз некому — то никому
не открывай своих сокровищ...

Но всё равно, всего — не скроешь,
а то, что скроешь — ни к чему!

* * *

Были возможности велики —
время насмешливое ограбило.
Буден поспешные черновики
в праздники
не перепишутся набело.
Вроде казалось,
что можно успеть.
Можно попробовать так или эдак,
всё перебрать,
а потом, напоследок,
в чем-то одном обеспечить успех.
Сразу бы действовать наверняка!
Сразу бы — без оглядки и начисто!

Так и осталось
в черновиках -
начато.
Перечеркнуто.
Начато...

* * *

Я стану тенью, и в смятенье,
в сплетенье света на стене,
поверю я,
что не смертельно
быть только тенью среди теней.
Что так покойно быть покоем,
пока им полночь полнит сны.
Быть тихим небом над рекою,
звездой, прозрачной от весны.
Что так не страшно
ночью летней,
пока земля
луной бела,
и тише стать,
и неприметней,
чем даже в жизни я была...

* * *

Как в детстве бояться
случайно остаться во мраке —
боюсь белизны
настороженной белой бумаги.
Но там было проще:
тогда одного поворота
хватало, чтоб вспыхнула лампа,
привычный мирок осветя...

Но там было проще —
тогда я боялась кого-то.
А ныне...
Как это страшнее —
бояться себя.

* * *

Что осталось паяцу?
Смеяться!
Сжечь мосты,
и узлы разрубить.
Никогда ничего не бояться.
Никогда никого не любить.
И пока разноцветные клены
карнавальным летят колесом,
от бессонницы злой и зеленый,
он по миру идет, невесом.
Ах, как гордость непросто дается!
Да и как он признается вам,
что завидует тот,
кто смеётся,
тем,
кто любит и спит по ночам?

* * *

Всему на свете —
свой черед.
Тугой росток из почвы брызнет
и, утверждаясь в новой жизни,
всё прошлое — перечеркнет.
И в свой черед
взойдет звезда,
и в свой черед
погаснет снова...
Я жду, я слушаю — когда
и твой черед наступит,
слово.

* * *

Анатолию Малярову

Доктор, Вы — не правы!
Разве может быть сердце болящим,
призывающим в помощь
успокоительный бром,
если в нем разметались
колюче-певучие чащи,
если рыба в нем плещется
золотом и серебром.
Доктор, Вы — не правы!
Это сердце разбиться не может,
если бьются в нем вечность
и ускользящий миг,
если в нём умещаются все —
от верблюдов до сороконожек —
весь строптивый, неровный,
недрессированный мир!
Доктор, Вы — не правы!
Если всё же с ним что-то случится,
Вы подумайте, доктор,
какой воцарится хаос!

Вы представьте себе —
ну, куда же тогда разместится
всё,
что в нем клокотало,
дралось
и на волю рвалось!

Выздоровление

Возвращаюсь вслепую, не веря...
Впрочем, веря, но верить боясь,
бессловесно, как птицы и звери,
ощущаю азарт бытия.

Значит — жизнь.
Значит — так, повторяю.
Значит — всё возвратилось сполна...
И опять я себя проверяю,
и опять убеждаюсь — она!
Что звалось суетою и скукой,
что и в целое-то не связать,
оказалось сладчайшею мукой:
видеть, слышать, дышать, осязать.
Говорить чепуху и смеяться,
делать вид, будто всё — нипочем,
и опять ничего не бояться,
и не думать опять ни о чем.

... Я потом это чувство забуду,
всё тихонько войдет в колею.
Ведь нельзя, в самом деле,
как к чуду,
каждый день подходить к бытию!
Как мы к счастью легко привыкаем!
— Надоело, — ворчим, — отвяжись...

Что за странная штука такая
эта наша случайная жизнь!

* * *

Герману Гоппе

Я в ближайшие дни — не умру!
Разве может такое случиться,
если в нашем шатре поутру
распевают нездешние птицы!
Если рядом со мной чудеса,
населяя и море, и сушу,
зывают на все голоса
любопытную, глупую душу!
И поверив в бессмертье своё,
и признав эту ношу нетрудной,
всё ликует она и поёт,
и становится нежной и чудной,
и беспечно открытой добру!
И обидеть нельзя её — нечем...

Я, наверно, совсем не умру.
Ну, а если умру — не замечу!

* * *

Мир от бессонниц почти невесом
и неуверен.
Синие тени легли на песок,
скрипнули двери.
Тоненько-тоненько бредит струна
между стволами.
Чья это там притаилась страна
рядышком с вами?
Если слегка осторожной рукой
к ней прикоснуться —
можно уйти далеко-далеко,
и не вернуться.
Каждый прохожий —
мой брат и двойник.
Я — повторяюсь.
Вот оттого-то, наверно, я в них
и растворяюсь.
И потому-то, подобно лучу,
многим на зависть,
я над землею высоко лечу
и — исчезаю...

ИЗ АЛЬМАНАХА «ПИСЬМЕНА»

Андрею Антонюку

Мне хочется уйти
туда, за полотно,
в зеленый мир воды,
в прозрачный сон сосновый,
где вымысел и явь —
все переплетено,
и служит с этих пор
живой судьбы основой.

Но, может, мне нельзя?
Я здесь не родилась —
и заповедны мне,
и чужды эти кущи,
и не откроют мне
спасительную связь
меж миром и судьбой,
меж вымыслом и сущим?
Но мне здесь близко все —
и трепет, и полет,
и лепет ручейка,
где ива молча плачет,
и вместе с ней душа
то плачет, то поет,

а если не поет —
то светлых слез не прячет.

Так отчего же я
все медлю сделать шаг,
чтоб в этот мир войти
и в те глубины кануть,
где общие у нас
и небо и душа,
и счастье и трава,
и жизнь, и даже — память...

* * *

Текла толпа. Она была слепа.
Она была глуха, была безлика,
в своем многообразии — скупа,
в своем многоголосье — безъязыка...
И тогда вышел Некто, и сказал:
- Я буду твоим зрением.
- Хорошо, - сказала толпа,
и поглотила его.

Толпа текла. Она была тепла,
она дышала и была живая,
она земную твердь собой толкла,
она века бесхитростно жевала...
И тогда вышел Некто, и сказал:
- Я буду твоим слухом.
- Хорошо, сказала толпа,
и поглотила его.

Утробное урчание нутра
она несла в экстазе первобытном,
в наивности — коварна и хитра,
в жестокости — невинно-любопытна...
И тогда вышел Некто, и сказал:
- Я буду твоим языком.
- Хорошо, сказала толпа,
и поглотила его.

И, чуткая на чью-то слабину,
она с себя ответственность снимала,
она не говорила: - «Я сомну!»,
а просто придвигалась — и сминала.

И тогда вышел Некто, и сказал:

- Я буду твоим разумом.

- Еще чего! - загоготала толпа,
и отвернулась...

* * *

Из всех сует
я выбираю ту,
что ни сулит
ни кары, ни награды,
что нос сует туда,
куда не надо,
ту — суеты во имя — суету.
Из всех дорог
одна меня ведет.
Там нет забот —
сплошной и шумный праздник,
и чем скучней я
и однообразней,
тем яростней ее круговорот.
Из всех работ
с одной я за столом,
где никого
не поминая всеу,
я рожицы забавные рисую
на жизни, на бумаге,
на былом.

Зато в награду —
множество утех:
спать по утрам,
во сне крылами хлопать,
смотреть на мир
в трубу калейдоскопа,
да над собой
смеяться — раньше всех!

2. ИЗ РАННЕГО И НЕОПУБЛИКОВАННОГО

* * *

Маме

Детство, дай мне смуглую ладошку,
посмотри доверчиво в меня,
нарисуй сиреневую кошку,
греющую лапы у огня.
И давай мы никому не скажем,
и уедем в дальние края!
Детство, детство! Разве я не та же
маленькая девочка твоя?
Разве я не теми же глазами
вижу мир — цветной калейдоскоп?
Отчего же вдруг внезапно замер
твой, во мне звучавший, голосок?
Ты уходишь, бросив куклу на пол,
губы разобиженно надув...
Я прошу — не уходи, не надо!
Где же я тебя потом найду?
Ты подумай, что со мною будет?
Ну, куда я без тебя, пойми!
Знаешь, как нам скучно, взрослым людям,
быть все время взрослыми людьми!
Быть — как все. И делать — то, что надо,
и носить благопристойный вид,
и всегда насмешливые взгляды
за спиной испуганной ловить...

Детство!
Дай мне смуглую ладошку,
посмотри доверчиво в меня,
нарисуй
сиреневую кошку,
греющую лапы
у огня...

* * *

А девчонки ходят рыжими. Это модно.
У девчонок — легкомысленность челок.
А девчонок — ждут мальчишки.
Разве можно,
чтобы не было мальчишек у девчонок?
И они уходят в город, обнявшись,
как уходят только в сон или вымысел.
А над ними, об дома обломавшись,
месяц тонкие рожки вывесил.
А над ними бродят синие гулы,
звезды в такт их сердцам стучатся...
Нецелованные, доверчивые губы
до утра рассуждают о счастье.

* * *

Удери из душных городов
в голубой, дразнящий сумрак леса.
На сосну шершавую залезу,
меж ветвей совью себе гнездо.
Стану шумной притчею лесной,
обо мне пойдут по лесу толки.
Будут робко собираться волки
и бродить медведи под сосной.
Научусь лесному языку,
кто захочет — научу людскому.
Заведу себе любимый омут,
чтоб сидеть на мшистом бережку...
И в лохматом чудище лесном,
что хохочет, щелкает и свищет,
пусть теперь хоть кто-нибудь отыщет
ту, что прежде называлась мной!

* * *

Едва рассвет покатится
в траве и лопухах,
как мы спешим покаяться
в полуночных грехах.
Росой поклясться чистою,
или крестом тройным,
что устоим, и выстоим,
и душу сохраним.
Но лишь закат покажется
на выжженных верхах,
придет пора покаяться
в полуденных грехах.
... Так каемся, и маемся,
и суд себе вершим,
а все — не унимаемся,
а все — грешим, грешим!

* * *

Л.Г.

Когда одолеют земные заботы
и прочие тяготы этого света —
уйду я бродить под зеленым забором,
и грустные сказки рассказывать детям.
Заброшенных кошек, бездомных собак
с собой приведу я озябшую свору.
Для них подыщу я роскошный чердак,
хоть буду сама ночевать под забором.
И будут за мною бродить по пятам
наивные, добрые дети людские,
как будто я вождь их, и их капитан,
и мне их вести через штормы морские.
А если умру я — завоюет ветра,
заплачут собаки крутыми слезами,
и вдруг повзрослеет моя детвора,
и землю увидит моими глазами.

* * *

Есть белые ночи
и черные дни,
есть грустные сказки
с веселым концом...
И кони несутся,
и ветер звенит,
и машет закат
золотым бубенцом.
И хочется верить,
и хочется жить,
как будто ты в сказке,
где всё хорошо!
И солнечный лучик
на ветке дрожит,
и дождик весенний
сквозь осень прошел...

* * *

Двенадцать пробило.
И над продавщицей пломбира
застыла жара,
оплывая, как воск, по краям.
И к левому краю
случайно прилипла, играя,
нелепая бабочка
моего бытия...

* * *

Л.Г.

Елочки-сосеночки!
Ни шиша
в мире не меняется
с нашим уходом...
Спи, моя несчастная!
Спи, душа!
С Новым годом!

* * *

Рассказывай, рассказывай, рассказывай!
Мне хорошо болтается с тобой!
Машины, как коты зеленоглазые,
шныряют под ногами у столбов.
И мост разводит каменные руки
с потомками прадедовских свечей,
и ловит месяц, тоненький и хрупкий,
никем не завоеванный, ничей.
И хорошо. И ничего не надо.
И сладко дышит спящая земля.
Спит города громоздкая громада,
во сне дыханьем ветки шевеля.
А где-то бродят невидимки-звуки,
и запахи, несущие весну.
И мост разводит каменные руки,
и мягко уплывает в тишину...

* * *

Инне Бершадской

Я растеряла всех своих друзей...
И эта мысль на дне души — как тина.
Для всех вещей старинных есть музей,
но нет музея для друзей старинных.
Не стоит разбирать, кто виноват:
быть может — я, а может быть — другие.
Их имена вокруг меня стоят —
пустых полотен рамы дорогие.
... А в прошлом — тишина и полумрак,
мерцанье глаз и неподвижность комнат.
Мой старый друг сегодня мне не враг.
Он мне — никто. Он про меня не помнит.
А память не желает умереть!
Ей хочется, забыв про все обиды,
вновь распахнуть объятия дверей
и лица долгожданные увидеть.
Но все ушли, и больше не придут.
И как букет, прекрасный, но увядший,
храню я пыльный ворох тех минут —
всё, что осталось мне от дружбы вашей...

* * *

А в чистом поле, у густой дубравы,
волною, ниспадающей к ногам,
дремучие,
покачивались травы
и забирались на крутой курган.
И день сменялся вечером над Русью,
дышала степь светло и широко...
И был закат
слегка подернут грустью,
как деревенской пенкой — молоко.

* * *

И как танцующий комод
на ножках вырезных и лаковых,
какой-то день ко мне идет —
прошедший, прожитый, оплаканный.
В смятенье старого белья,
в задвинутом дубовом ящике,
там где-то существую я —
прошедшая и настоящая.
И на живущую теперь,
в недоуменье и смущенье
смотрю сквозь трещины и щели,
не в силах возместить потерь.

* * *

Л.Г.

Жизнь, простая, как веревка,
вертится в моих руках...

Божия ползет коровка
в мой задумчивый рукав.
Я лежу. Трава по пояс,
облака бредут гурьбой,
будто это где-то поезд
дым лохматит за собой.
Что мне делать? Петь и плакать
под притоптыванье дней?
По стихам размазать слякоть,
дождь и горсточку огней?
Без следа пройдя сквозь город,
сесть у серого шоссе,
полоскать закатом горло
и звезду искать в росе?
Поднимая томно бровки,
все вздыхать — то «ох!», то «ах!»?

... Жизнь, простая, как веревка,
вертится в моих руках.

* * *

Безвременье, безверье, безучастье,
пустая даль без всяких перемен...
Банально все — слова, любовь и счастье,
и ничего не выдано взамен.
Кого винить? Мы так хотели сами.
Нам стоит крови каждый плагиат...
И идолы с отбитыми носами
насмешливо с земли на нас глядят.

* * *

А что мы знаем о разлуке,
когда мы песни ей поём,
и как слепые, водим руки
по черным клавишам её?
Мы ничего о ней не знаем,
когда, от холода дрожа,
она поднимется над нами,
бескровные ладони сжав.
Мы с болью ловим перестуки
колес, часов, сердец в груди,
покуда главные разлуки
еще маячат впереди...

* * *

Да здравствует драматургия!
Созданье действующих лиц —
из небылиц! Из палых листьев!
Из алых отблесков зари!
И ты — вели не шевелиться,
и сам до времени замри,
пока листают нас другие,
сдувая пепел со страниц,
и, чтобы в нас не заблудиться,
перебирают словари,
но пляшут отблески по лицам,
как будто пляшут звонари!
О, летаргия литургии!
И снова мир повержен ниц.
Как бесконечно это длится,
но — выдержи, или умри.
О, лицедейство — действо в лицах!
Твори же, милый мой, твори!
Да здравствует драматургия —
созданье действующих лиц!

* * *

А где-то дом, что всеми позабыт,
и даже номер стерся на фасаде,
и дом стоит, заброшен и забит,
в рубцах обид и в паутине ссадин.
А где-то одинокая душа,
что заблудилась в закоулках мира.
И только годы крыльями шуршат,
и только тени проплывают мимо.
Но все же ждет кого-то старый дом,
лишь одного на целом белом свете.
И, ставнями ворочая с трудом,
зовет его он робким скрипом петель.
Войду в него — как входит ночь в дома,
когда в домах не зажигают света.
Чуть слышно шевельнется бахрома
на тенях фиолетового цвета.
Но я не знаю, может, не меня
он ждал. И не в меня он верил.
Я постою. И не зажгу огня.
И тихо выйду.
И не скрипнут двери...

Ночной Питер

В ночном и гулком городе,
как в пустом соборе,
морозная, высокая,
сухая тишина.

Котенком позаброшенным
на каменном заборе
в клубок свернулась зимняя
озябшая луна.

Я по ночному городу
бреду, куда — не ведаю.
И эхо собственных шагов
за мной крадется вслед.
Когда молчать устану я,
я с ночью побеседую,
в моих глазах рассыплется
её холодный свет.

Я на ладони города —
как муравей отчаянный...

А он стоит, задумчиво
разглядывая ночь.

И вдруг меня заметит он
почти совсем нечаянно,
и удивленным куполом
склонится надо мной...

* * *

Так уж случилось. Верую,
нежности не тая,
в розовую и серую
будничность бытия.
В радужную обыденность
праздничного труда,
в радостную обиженность
праведного суда.
В необойденность верую,
в неповторимость дня.
Полною мерой меряю —
нет у колодца дна.
Верую в не-беду мою,
верую, что умру
раньше, чем я додумаю
всю до конца игру.

* * *

Да и не все ль равно,
как меня нынче звать?
Не на смотрины я
к строгой твоей родне!
Я призову тебя
мною повелевать,
править и володеть
до окончанья дней.
До окончанья дней,
до истеченья лет —
больше в моей стране
мне утешенья нет.
Перевелись князья,
поразбрелись друзья,
тоже была горда,
да уходилась я!
Ну, так не все ль равно,
как меня величать?
Между иных держав
не затерялась я.
Ну, а тебе к лицу
мантия на плечах,
и по плечу тебе
злая судьба моя!

* * *

Смеющийся и счастливый,
загадочный и живой,
я тоже стану крапивой —
обычной сорной травой.
Но от другой крапивы
я буду тем отличим,
что все-таки был счастливым,
смеющимся и — живым!

6 июня

Наполним полночью и пуншем
бокалы лунные свои,
пока по самым дальним пуцам
не расплескались соловьи!
Пока нам этот мир отпущен,
и молодо его лицо,
пока, блестя зрачками, Пушкин
еще взбегает на крыльцо...

* * *

Был рассвет незатейлив,
неказист, немудрящ.
Был в округе затеплен
теплый свет сентября.
И, по этому знаку,
набредя на дома,
посереет, обмякнет,
расползется туман,
чтобы, даль отчеканив,
вспыхнул, кромку задев,
словно солнце в стакане.
ослепительный день!

* * *

И метет по зеркалам
дождь со снегом пополам,
разметая наши будни,
наши злыдни по углам...

* * *

Сокровищам своим
цены не называю,
не ведаю глубин,
высот не стерегу...
Рассеяна судьбой —
повсюду я живая,
волной увлечена —
я все на берегу.
Нет у меня нигде
ни имени, ни дома,
ни тела, ни души —
мне нечего таить!
Мне каждый лист — родня,
мне каждый куст — знакомый,
и все мои слова
легки, как воробьи!
Когда же, воротясь,
я обретаю право
смеяться, говорить,
и снова быть с людьми, —
мой дерзкий, мой двойник,
зеленый и лукавый,
дразня, шумит во мне
как в раковине
мир.

* * *

В моем нехитром словаре
всего-то три-четыре слова...
А звезды в маленьком дворе
взошли, и закатились снова.
Над неказистою судьбой
сверкнув нечаянно и слепо,
они ушли. И за собой
оставили
пустое небо.

* * *

- Как да на сини горы
выпали алы зори,
по ледяному краю,
тихие, догорали...

- Горы не нами виданы,
зори не нами вытканы,
в паре с черными ниткам
нам серые ткани выданы...

- Чем же тебя обидели
в тихой твоей обители?
Солнца не додали, или
разумом обделили?

- Вроде и вправду — вздоры,
и велико ли горе:
как да на сини горы
выпали алы зори....

* * *

А мне — смотреть чужие сны,
а мне — в чужих ночах качаться,
и с наступлением весны
как снегу старому — кончаться.
И всё же — приходит опять,
переступив своё крушеньё.
И снова — начинать круженьё,
и под чужие сны — не спать.

* * *

Зеленое чудо
и белое чудо
в ладонях своих
унесу я отсюда,
в холодную тьму
ленинградских кварталов,
чтоб солнце на крышах его хохотало,
чтоб сонные веки его щекотало,
чтоб всем было видно,
чтоб всем было слышно,
что вишня цветет!
Понимаете — вишня!

* * *

В нашем шумном шатре,
меж живыми и павшими листьями
мы найдем на заре
полустертую, старую истину —
все, мой друг, суета,
но пока бесполезность не явлена,
будет в мякоть листа
жизнь по жилочкам вдавлена.

* * *

Наш дом простуженный знобит
сырым и сырым днем.
Угрюмый, неуютный быт
обосновался в нем.
И с наступлением зимы,
которой не избыть,
на этот дом похожи мы,
на этот грустный быт.

* * *

Единственное, чему
всегда поклонялась и буду —
живому и теплomu чуду,
хоть крошечному — ему!
И что там высокая речь,
когда назначение слова
улыбку в глазах у другого
увидеть,
отметить,
зажечь!
Быть щедрым.
И пусть доброта
хоть чье-нибудь сердце затронет,
чтоб малая искорка та
пошла —
из ладоней — в ладони.

* * *

Что скажется — как споется,
что вырвется — как ворвется,
что в бок подтолкнет — смотри!
И свеженький, как на грядочке,
стих светится из тетрабочки
изюминкой изнутри.
Вот осень никак не кончится,
и дождик в саду топорщится —
промок насквозь воробей!
Живу себе, как захочется,
а где начинается творчество —
не знаю я, хоть убей!

Две песенки для шарманки

1.

Шарманщик, придумавший душу мою,
забыл на плечо посадить обезьянку,
и вот почему я печально пою.

Напрасно стоит он средь белого дня -
за песенку он ни гроша не получит,
и вот почему он не любит меня.

Не вышло опять у него ничего,
опять позабыл, что судьба - наизнанку,
и вот почему я жалею его.

Махнет он рукой, и отправится прочь...
Ах, жизненный опыт, чему он нас учит?
И вот почему мне ему не помочь.

2.

Что толку — толковать?
Что проку — быть пророком?
Оков не расковать
до времени, до срока!

Закованным в закон
(как музыка — в шарманку),
нам этот мир знаком
с парадной, и с изнанки.
И блеск его, и лоск,
и кухонные полки —
всё спелось и сплелось,
и плачет втихомолку...
Но до тех пор, пока
в нехитрой этой штучке
незримая рука
накручивает ручку,
пока душа лежит
чужая, как подстрочник,
и не иссякла жизнь
в моих часах песочных —
что толку толковать?
Что проку быть пророком?

Оков — не расковать.
До времени.
До срока.

* * *

Возвращаются блудные дети домой,
вволю доли бродяжьей отведав.
Их, конечно, призреют под крышей родной,
их спасут от дождя и от ветра.
Ах, повинную голову меч не сечет!
Кров родимый приветлив и сладок!
Но угрюмая мысль
ваши лбы рассечет,
может, самой тяжелой из складок.
Потускневшее солнце,
и ночи без сна,
и тоски раскаленное жало...
Что же нужно вам,
блудным, прощенным сынам?
Хлопнет дверь.
И опять — все сначала.

Туманный январь

Как нас породнившая тайна,
не стыдный, но явный порок,
останется тяга к скитаньям,
к бездомности дней и дорог,
к случайности наших приютов,
где некуда скрыться от глаз,
где вечно нехстати кому-то
таращиться нужно на нас...
Сквозь морось туманную эту
(поскольку легки на подъем!)
до долгому белому свету,
по краткому веку — вдвоем.
И нас, кто захочет — обманет,
а может — продаст и предаст,
и только растаять в тумане
останется право — при нас.
Ничем не богаты — а рады
(вослед — иронический взгляд),
пойдем, ничего нам не надо,
пускай они тут, как хотят!
Два смутных уже силуэта,
сквозь эти туманные дни
по белому белому свету,
по бедному веку — одни...

НОВОГОДНИЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

1.

Год завершен.
Перевернуть страницу...
Постой, помедли несколько минут!
Чуть тишина над свечкою дымится...
Но вот — удар.
Куранты полночь бьют.

Под ликованье сдвинутых бокалов,
под суету и праздничный разброд
серебряною капелькой упала
секунда, открывающая год.

О, Новый год!
Твоим очарованьем
полонены мы в бытовом пылу,
и сражены таинственным мерцаньем,
и шорохом иголок на полу...

Но мы — на снег,
туда, где зимней ранью
январь летит по льду, как по стеклу.

2.

Январь летит по льду, как по стеклу —
восторженный, взлохмаченный и юный.
С размаху бьет ладонью по стволу —
и гулким басом отвечают струны.

Скрипят шаги, и замерзает дым,
стволом курчавым вырастая в небо.
Январь хохочет. Город — молодым
встает в веселой сутолоке снега.

Январь спешит. По снегу, напролом,
он прыгает, рискуя оступиться,
через сугроб, что за ночь намело,

и дальше, дальше белым вихрем мчится
туда, где меж сиреневых стволов
сидит февраль испуганною птицей.

3.

Сидит февраль испуганною птицей,
нахоленной, готовой улететь.
Ему, бедняге, по ночам не спится —
боится не увидеть, не успеть.

То заметет, затопаёт ногами,
то вдруг к земле беспомощно прильнет
и слушает — в глухом подземном гаме
иная сила бродит и растёт.

Он — недоволен. Он пуглив и мрачен.
Бормочет он, качаясь на ветру:
«- Вот, был январь, ему во всем — удача,

а тут пойдёшь, попробуй, поцаруй...»
Но брызнет солнце, всё переиначив,
и март смущён, как первый поцелуй.

4.

И март смущен, как первый поцелуй.
Он — неуверен, неуклюж и робок.
Он лижет снег, как дети — пастилу,
и топчет грязь весенних первых тропок.

(Он был так рад, когда в его руках
расцвел подснежник, первый и отчаянный!
Он с ним носился до тех пор, пока
сам на него не наступил нечаянно!)

Он занят четким росчерком ветвей
на нежном небе, розоватом к ночи.
Он тихо свистнет — и ему в ответ

ручей рассыплет деловой звоночек.
Но — тает снег. Земля рванулась вверх —
апрель звенит, и свищет и грохочет.

5.

Апрель звенит, и свищет, и грохочет,
он льет сосульки ночи напролет.
Он может всё. Ему легко ворочать
на вздутых реках полосатый лед.

И как у прачки, у него ладони,
зато в полнеба — звонкая лазурь.
Он с юга тучи табунами гонит
на первую весеннюю грозу.

Он моет землю, почки намечает,
и треплет ветер по щеке, чудак,
и головой оранжевой качает,

и, улыбаясь, он идет туда,
где встали травы тонкими мечами
и май кипит и пенится в садах.

6.

И май кипит и пенится в садах,
и белой ночью ошалело бродит,
и слушает до ломоты в ушах,
как соловьи орут и сумасбродят.

И первых птиц горластая толпа
квартиры делит и возводит гнезда,
и синими фиалками пропах
под вечер чуть туманящийся воздух.

И первые восходят зелены,
и хлещут луны, и коварны ночи,
и звезды, как стеклянные, звенят,

и с треском рвутся мириады почек...
Но даль подернул тонкий аромат —
июнь цветами голову морочит.

7.

Июнь цветами голову морочит,
закружит, заплетет в цветной ковер...
И воздух опьяняет и щекочет,
и месяц тонок, как цыганский вор.

Июнь встает — зеленый и густой.
Листы впервые постигают лепет,
и каждым свежевывытым кустом
приветствуют родившееся лето.

Он пашет землю. Дремлет на лугах
под знойный звон стрекоз полупрозрачных.
Он сеет хлеб. И, пожелав удачи,

с поспевшей земляникою в губах
глядит туда, где по равнинам злачным
бредет июль с зарницею в руках.

8.

Бредет июль с зарницами в руках,
нетороплив, задумчив, озабочен.
И новой рыбой плещется река,
и зреет хлеб, и мимолетны ночи.

А сколько дел — за всем не уследишь:
всё вырастить, сберечь и приготовить...
И звездопад, и сочные дожди,
и черный звон земной упругой крови...

Роскошна зелень, и смуглы плоды,
и зной застыл лавиною густою,
и в нем, как в парнике, перебродить

должна земля. Но вот она — готова.
Он сделал всё. Он может уходить.
И залит август сытой добротой.

9.

И залит август сытой добротою,
земля кругла, щедра и добродушна.
В её ночах с кромешной темнотою
по-прежнему безветренно и душно.

Базары августовские — полны.
Их пестрый гомон не окинешь взглядом...
Но вечером, средь чуткой тишины
всё чудится, что осень — где-то рядом.

То ветер мрачный налетит некстати,
то лист пожухлый в ноги упадет,
то вдруг холодным дождиком окатит...

А вот еще одно из доказательств —
цепочкой в полыхающем закате
сентябрь птиц отправил в перелет.

10.

Сентябрь птиц отправил в перелёт.
Они летят. Встаёт за ними осень.
Бушует ветер. Море в берег бьёт.
Они летят. Но сколько тысяч — оземь!

А в том краю, что бросили они
для будущей, такой туманной встречи,
сентябрьские обманчивые дни
пугливо греют худенькие плечи.

Присядет бабье лето на порог
в косых лучах, не приносящих зноя.
Леса по обе стороны дорог

уже полны осенней пустотою.
Выходит осень. Наступает срок.
Цветет октябрь последней красотой.

11.

Цветет октябрь последней красотой,
в резной чертог нисходит тишина.
Её глава косою золотою
по царственному чуть отягчена.

И замер мир. И песней лебединой
вплывает осень в молчаливый лес,
и льются краски призрачно и дивно,
и облако спускается с небес...

Чуть горьковатый аромат разлуки
дохнул на лес, и тронул небосвод.
Еще летят, как будто крылья, руки

и замирают на лету... Но вот
погасли краски, онемели звуки —
ноябрь дожди, как заведенный, льет.

12.

Ноябрь дожди, как заведённый, льет...
И хлопают простуженные лужи,
и больше никому уже не нужен
насквозь изрешеченный небосвод.

В озябших ветках, скорченных от ветра,
зажаты клочья помертвелых туч.
И кажется — от века и до века
всё будет так. И мир, как дождь, плакуч.

Но вот с опаской, полночью глухою
ударил первый вкрадчивый мороз.
Потом — сильней. Повеяло зимою

от каменных и смерзшихся дорог.
И вдруг — лавиной снежной поперек
встает декабрь последнею чертою.

13.

Встает декабрь последнею чертою
в мохнатой шубе, с инеем густым.
Проходят ночи чинной чередою,
и куцды дни, как заячьи хвосты.

Земля в снегу, как в теплом полушалке,
в стеклянный панцирь спрятались кусты,
и дым из труб, нечесаный и жалкий,
слоняется по улицам пустым.

Взмахнет метель огромной белой лапой —
поземка свист по рекам пронесёт.
На небе туч — заплатка на заплате,

и вечер дик и мрачен, как урод.
Год завершен. Декабрь снимает латы.
И вот опять приходит Новый год...

14.

И вот опять приходит Новый год —
единственный тобой любимый праздник.
И жизнь хохочет, и летит, и дразнит,
и счастлив ты, и всё — наоборот!

И день встаёт стремительный и гибкий,
ты не зависишь от своей судьбы,
и даже телеграфные столбы
тебе кивают с вежливой улыбкой!

И есть, о чем мечтать, к чему стремиться!
И всё не так, как в прошлые года!
И время ожиданием томится,

и каждый ждет мгновения, когда
он скажет, дрогнув (впрочем, как всегда!):
- Год — завершен. Перевернуть страницу!

15.

Год завершен. Перевернуть страницу...
Январь летит по льду, как по стеклу,
февраль глядит испуганною птицей,
и март смущен, как первый поцелуй.

Апрель звенит, и свищет, и грохочет,
и май кипит и пенится в садах,
июнь цветами голову морочит,
бредет июль с зарницами в руках,

и залит август сытой добротою.
Сентябрь птиц отправил в перелёт,
октябрь цветет последней красотою,

ноябрь дожди, как заведённый, льет,
встает декабрь последнею чертою —
и вот опять приходит Новый год!

Три сонета.

1.

Когда по ночам утихает грызня и возня,
земля отдыхает от грохота наших восторгов.
Но мир — неподвижен. Он вечно повернут к востоку —
к восходу, к рассвету, к рождению нового дня.

Мелькают года, как в коричневом иле мальки,
века проплывают, прожорливым стаям подобно...
Мы — где-то на дне. Мы настолько малы и мелки,
что даже при свете нас всех не рассмотришь подробно.

Но мир — неподвижен. Года там текут, иль вода —
он всё уже видел. Он знает конец и начало.
Мы вихрем песчаным несёмся, не помня — куда,

но он, как стеклянный, хранит ледяное молчанье.
Мы падаем вниз, и над нами мелькают года,
и трудно земле, и она отдыхает ночами...

2.

Над черной дорогой — распятые осеннего дня.
Прядет тишина раззолоченный бархатный полог,
и падают листья, и их забывают поднять,
но тихий закат искупления светлого полон.

Нам в жизни дано ничего до конца не понять,
и может быть, лес — он единственный, кто нас запомнит,
и новой весной на срезе замшелого пня
пустую графу он зеленым побегом заполнит.

Но мы — суеверны, и мы не вернемся туда
из детской боязни, что всё бесполезно и поздно.
И страшно забыть, но страшнее — уйти по следам

и вдруг оказаться всё в том же, не умершем полдне!
Но капелька дрогнет, и тотчас живая вода
коснется души. И душа ей отвечает: - Помню...

3.

... И спать без снов на дне осенней ночи...
В её душе, как в омуте, темно,
и листопада терпкое вино,
не грея, вновь тревожит и морочит.

Но от пророчеств этой странной ночи
уже нам уберечься не дано.
Пока мы — в ней, пока мы спим без снов,
она нас, как заклятие, бормочет.

Проснешься ты. Тревожно и темно.
Сырой рассвет в отёках многоточий
заглядывает в серое окно.

Ты беспокоен, ты сосредоточен:
- Что? Что случилось этой странной ночью,
пока ты спал — под листопад — без снов?

ПАРОДИИ

“Я емь земная персть, но я не виноват...”
“Я жить хочу, как все...”
(Э. Январев, “Мера сил”)

Эмилю АЗнвареву

Аз емь и персть и шерсть.
Аз кожа емь и кости.
Но аз и мясо емь —
особенно с торца.
И я не виноват
(намеки ваши бросьте!),
что свой живот влачу
я в облике творца.
Аз бысть хошу, как все!
Вот я беру кастрюлю,
тащу ее к огню,
творю в ней фрикасе.
Вот я, в который раз
свернув большую дулю,
сую ее в карман.
Как все? Как все! Как все!
Как все хочу, как все!

Хочу иметь заначку,
получку и аванс,
и премию мне чтоб!
А что? Пришел, принял,
решил дитю задачку,
задал жене чертей —
и в телике утоп.
Но я не виноват
в своей планиде жалкой!
Бормочешь в пустоту,
а в хате — ни копыя...
Хочу — в очередь!
В общагу! В коммуналку!
Как все хочу, как все!

... А все хотят — как я.

12.03.84.

*“Я давеча стоял у пирожковой,
Томительным закатом пораженный...”
(Э. Январев)*

Я анадьсь стоял у гастронома -
вальяжный, эlegantный, густобровый,
и постигал простых явлений суть.
Но тут возник редактор Юрий Скиба,
и мне шепнул, что за углом есть рыба -
еще живая, но уже чуть-чуть.
Небритый, потный и с пустой авоськой,
он подмигнул простецки и по-свойски,
и тут же сходу попросил трояк.
На рыбу, дескать. Мол, отдаст с полочки.
Но я-то знаю эти штучки-дрючки -
отдаст... на рыбу... Вроде, я дурак.
Вот так вот лгать, бессовестно и мелко!
Какая рыба, если опохмелка
его снедает хищною алчбой!
Но у меня широкая натура,
и я ему ответствовал: “- Эх, Юра!
Дарю целковый. Ладно. Бог с тобой!”
А он, краснея, говорил спасибо,
но все же что-то лепетал про рыбу,
что, мол, не хватит, клялся, что отдаст...
Но я его похлопал по раменам,

и убедил, что хватит непременно,
ну, а не хватит - кто другой подаст.
И отпустил скудельного скитальца
с ханыгами по рваному скидаться,
а сам растаял в лязге городском.
Но как бы мне судьба бока не мяла,
я все равно считаю - слишком мало
мы о явленье думаем таком.
Что доброта достойна подражанья,
что это возымеет продолженье
во всех моих грядущих временах...
И я собой содеянным гордился,
но, заглянув в словарь, я убедился.
Что хлопал я его - по раменах.

1985 г.

Подспудное

*Дочь моя милая, все то я думаю -
Так ли простились мы с бабою Дунею?
Э. Январев*

Горестно думаю,
сидя над пляшкою,
то ли содеял я
с бабой Палашкою?
К той обращаюсь я,
дщерь мне которая,
был ли эффектен я
с бабой Федорою?
Женку пытаю,
пывущую павою,
так ли я действовал
с бабою Панею?

...Вроде бы так.
Я ить сам от сохи,
плюс седина,
и опять же - стихи.

Нервно десницы сжимаются квелье:

- справлюсь ли завтра я

с бабой Фэфелою?

1985 г.

В. Пучкову

Пятое отступление из поэмы.

Машина заломалась...

Валерьянки хлебнув для почина,
и Рембо полистав для души,
бородатого вида мужчина
на казенную службу спешит.
Ох, уж эти летучки-планерки!
Депутаты, в качель их туды!
... Хорошо бы сейчас на Майорке
кверху пузом лежать у воды!
Хорошо бы в Рымбы закатиться,
где тумана молочный мешок!
Хорошо бы, наверно, и в Ниццу...
Да везде, где нас нет, хорошо!
Тут... Машина сломалась, зараза.
И вчерашняя та... От, коза!
И жена отказала два раза...
Надо будет и ей — отказать!
А потом... без бумаги, без денег
как престижный поддерживать вид?
А работнички? Кажный бездельник
раньше сроку слинять норовит...
Ну, а эти? Всё ходют, и ходют!
Ну а те? Всё звонят и звонят!
Все всё знают, и все — руководют,

и заводят тем самым меня.
Сказануть им: - «Пошли бы вы к черту,
на посту я законно торчу!»
Все хотят непременно «Вечерку»,
я же вечером — чаю хочу.
... И кипит мелководье живое
склок и сплетен, страстей и интриг,
и качает крутой головою
недобритого вида мужик.
Так, чело свое думой измуча
и считая в кармане шиши,
дядя Вова по прозвищу Пуча
на нелегкую службу спешит.

29.03.99.

*«Твое тело ночью становится хрупким, как ампула...»
(О. Духовный)*

Ночью тело твоё становится хрупким, как ампула, и
изящным, как колба,
вожделенным, как вобла, иссушенному зноем морей...
Приходи поскорее, ступая неслышно, как кобра,
и в объятиях страстных меня, как скитальца, согрей!

Я - изгнанник небес, я - изгой (Ху из гой? Аз есмь гой! -
шутка!)

и ногою нетвердой
(я сказал бы - стопою) ступаю и трогаю твердь.
И глядит на меня из глубин некто гордый, с козиною мордой,
то ли Блок, то ли Бунин... Ну да кто разберет их теперь!

Из соседних сеней веет сеном и свежей морилкой,
дух исконно-посконный загадочен и неустрашим.
Приходи поскорей - побалдеем над Джойсом и Рилькой,
на страницы Зенона зеницы свои устремим.

Ночь качает луну на червленом своем коромысле...
Осияй меня, милая, билиардовым блеском белков!
Знаешь, я свою жизнь без безе, безусловно, не мыслю
(в смысле, не композитора, а пирожных из взбитых белков!)

Сколько славных словес сотворил человек для соблазна!
Пред копилкою чувств преклоняю чело и стило!
Понт Эвксинский шумит... И, закону понта сообразно,
приходи к сеновалу, пока еще не рассвело!

2003 г.

*“Уже на деревьях не держится листва...”
“Вы скажете свое, а я свое скажу...”
(Э. Январев, “Мера сил”)*

Уже роняет лес багряный свой убор,
И чухнула жена опять в командировку...
Толкусь в очередях. Встречаю в разговор.
С базара волоку картошку и морковку.
Все, что купил я сам, я в кухню сам вношу,
Варю себе жратву. И ваш смешок - облыжен.
Вы — вкусите свое. А я — свое вкушу.
Такое вот вкушу, что пальчики оближешь!

12.03.84.

Из стихов последних лет

* * *

Ушел на пенсию Поэт —
стихов не пишет.
И Муза шлет ему привет!
А он - не слышит.
На пенсионные гроши
он еле дышит.
Друзья твердят ему: - Пиши!
А он — не пишет.
И ни в строке, ни за душой —
ни грана фальши!
А вот на пенсию б не шел —
писал бы дальше!

* * *

Утомленные долгой разрухой,
Посреди неуютной зимы
Жили-были старик со старухой...
Неужели, дружок, это — мы?!

* * *

Друзья отбывают. Им время часы отбивают,
Играя при этом привычную песню часов.
Друзья отбывают. И значит — у нас убывает...
И что уж тут класть на убогие чаши весов!

Друзья отбывают не в нети — в чужие столицы.
А может, и просто в местах оседают иных...
И время смывает с сетчатки их чудные лица —
Родные для нас, и чужие — для всех остальных.

Друзья отбывают... Ну что ж, и такое бывает.
Им скудные рамки — увы! — оказались малы.
И — Господу слава! — за это их не убивают.
... Вот только душа — как обиженный взрослым малыш...

* * *

Вот мир наш, нами обжитой
И тёплый, если
В нем кот, свернувшись запятой
Спит в старом кресле.
И пусть провисли потолки
И ждут ремонта,
И пусть по стенам пауки
Плетут тенёта,
И мебель пусть — не суперкласс,
И ветхи платья,
Но это место держит нас
В своих объятьях!
И нужен ли иной уют,
Сказать по чести,
Когда все вместе мы — вот тут!
Пока — все вместе...

Эмилю Январеву

* * *

А Голубкова была — только раннею,
Легкий, сквозной мотылёк бытия...
Мира усилия, жизни старания
Не долетали до слуха ея.

Временем никаким не опознана,
Всё, что дано, промотала дотла...
Может, она и смогла бы стать позднею,
Если бы раннею не была!

СОДЕРЖАНИЕ

Немного о себе	4
----------------------	---

1. ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

ИСТОКИ

«Я оттуда ...»	10
Старина	11
1. «И запах трав, медлительный, медвяный ...»	11
2. «Колокольное озеро звона ...»	12
3. «До поры у нас лежат топоры ...»	13
4. «А наутро снимут меня с креста ...»	14
Дорога	15
Возвращение	16
Приглашение	18

ВОЙДИ В НАШ ДОМ...

Прощание с кораблём	20
«Корабли, корабли! ...»	22
Утро	23
«Завод - это камень и сталь ...»	24
В столярке	26
Рождение корабля	28
Будущему корабелу	30

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

«Ах, осень! ...»	32
Начало осени	
1. «Так пел янтарный лист ...»	33
2. «И этот день был титульным листом ...»	34
3. «Уже горят сырые вороха ...»	35
«Осенний город отсырел ...»	36
«Затем, что туманны двory ...»	37
«Осенние боги грустны и рассеянны ...»	38
«На редкость постоянны ...»	39
«Ясны мои осенние леса ...»	40
«Среди осенней откровенности ...»	41
«Мы с тобой никогда - никогда ...»	42

ИЗ ЦИКЛА «В РАССЕЯННОМ СВЕТЕ ОСЕННЕГО ДНЯ»

1. «Осенний день на вкус слегка горчит ...»	44
2. «О, как покорно в этот час ...»	45
3. «Я осенью захвачена врасплох ...»	46
4. «Осень, холодно, сыро, темно ...»	47
5. «В рассеянном свете осеннего дня ...»	48
«Дерево заглядывало в окна ...»	49

Командировка в сентябре	50
«В маленьком дворике ...»	52
У очага	54
1. «Опять мелколесьем ...»	54
2. «Не отодвинуть белые полки ...»	55
«На дорожках прозрачного сада ...»	56

ЗИМНИЕ ЗАРИСОВКИ

«Когда на землю хлынут холода ...»	57
«Давай уйдём в такую тишину ...»	58
«Ты выходишь смотреть ...»	59
Зимнее утро	60
Сад зимой	62
1. «В коралловых ветках бесшумного зимнего сада ...»	62
2. «Меж грядущих и прошлых эпох ...»	62
«Останусь в этом январе ...»	63
«Когда весною запляшут луны ...»	64

ВЕСЕННИЙ КАЛЕЙДОСКОП

«И это всё мы назовём весной ...»	65
«По детскому почерку почерк ...»	66
«Весенний день подобен спектру ...»	67
«Но, кроме прочего, пора ...»	68
«Ветвей осенняя сумятица ...»	69

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСНА УЛЫБАЕТСЯ»

1. Вечерние размышления по поводу и без	70
2. Этюд	71
3. Вечер	72
4. Прodelки марта	73
«... А издали ...»	74
«Это всё потому, что уже распускаются листья ...»	75
Перед рассветом	76

ЧАС УЧЕНИЧЕСТВА

«Еще всё слепо, первозданно, грубо ...»	77
«Тебе сегодня повезло ...»	78
«Под осень травы наденут траур ...»	80
«Что мне терять? ...»	81
«Будни, будни! ...»	82
«Размерянным слогом - о том, что за нашим порогом ...»	83
«Деревянными пальцами гаммы играть ...»	84
«Строка, упругая, как лоза ...»	85
«Волною рухнуть в глубину бумаги ...»	86
«По плечу ли тебе это дело? ...»	87
«Не поддавайся же этим дешёвым соблазнам ...»	88
«Что бито баклуш! ...»	89
«Он хотел нарисовать птицу ...»	90

ИЗ СБОРНИКА «АКВАРЕЛИ»

«Был дождик вдохновенным, как художник ...»	91
«Наши руки пропахли совсем не духами ...»	92
«Не открываю новых истин ...»	93
«Пройдёт ли тихий дождь ...»	94
«У меня в этом городе ...»	95
Крыши	96
«Опять ко мне приходит тёплый дождь ...»	97
У проходной	98
Голубые кораблики	99
«Там, далеко, за жёлтыми лесами ...»	100
«Длинные тени просторно легли на дорогу ...»	101
«И женщина во сне смеётся ...»	102
«Если бы это было в первый день ...»	103
«Когда звезда вбежала впопыхах ...»	104
Наше время	105
«Звенят в ночи косые ливни звезд ...»	106

ИЗ СБОРНИКА «ЗВЁЗДНЫЙ КОРАБЛЬ»

«Не убивайте в себе соловья ...»	107
«В конце концов - не в рифмах же всё дело ...»	108
«Вот холст натянут на подрамник ...»	109
«Бродит музыка меж людьми ...»	110

ИЗ ЦИКЛА «НАЧАЛО»

1. Игрушки	111
2. Рисунок	112
3. Лошадка	112
«Это - родниковые рассветы ...»	113
«Гулким ли небом стоять по лесам ...»	114
«Начаться!»	116
Встреча	117
«О, это лёгкость крыльев опалённых! ...»	118
«Сто горестей вокруг толпилось ...»	119
«И лететь, и срывать на скаку золотые светила ...»	120

ТРИПТИХ

1. «Огонь мне щеки лижет изнутри ...»	121
2. «Стань маленьким, уткнись в мои колени ...»	122
3. «Когда весна обезоружит ...»	123

РАЗРЫВ

1. «Брожу в пустых координатах ...»	124
2. «По праву дождя ...»	124
«Ужель душе пришла пора стареть ...»	126
«И ни о чём, что будет - не жалею ...»	127
«Душу оберегая от страсти, как от огня ...»	128

НА ГРАНИ СНА И ЯВИ

1. «Из сожаления музыка рождалась ...»	129
2. «И музыка ...»	130
«Пожалуйста, спи! ...»	131
«Певчие птицы промыли хрустальные горлышки ...»	132
«Слова остывали, как звонкие слитки ...»	133
«Пушистая пена не пляшет ...»	135
«Озарён и осчастливлен и простором опьянён ...»	136
«Заря была затем, чтоб мир стал чист и светел ...»	137

ИЗ СБОРНИКА «ПО ПРАВУ ЛЮБВИ»

«Великолепие каждого мига ...»	138
«Мне этот город незнаком ...»	139
«За то, что ты была тогда красивой и жестокой ...»	140
«Да пощадят тебя тревоги ...»	141
«Это наша любовь освятила осенние клёны ...»	142
«Ты говоришь со мной, не зная ...»	143
«Синие, всеильные вокзальные огни ...»	144
«Всё то, что мне даётся с трудом ...»	145
«Я буду ждать тебя в своём доме ...»	146
«Всё сущее и прожитое ...»	147

ИЗ ЦИКЛА «ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ»

1. Давным-давно в детстве	148
2. В тумане	149
3. Август	150
4. В темноте	151
5. Утро	152
«А как я на свете жила?»	153
«Между завтра и вчера ...»	154
«На тёплом граните среди опустевшего дня ...»	155
«Блестящая монетка не прожитого дня легла на дно ...»	156

ИЗ СБОРНИКА «ДЕНЬ ЛЕТЯЩИЙ»

«Чем, человек, удержишь натиск волны взрывной?»	157
«Все цветы, что мной не подарены ...»	158
«Природа без меня осиротевает ...»	159
Юрмала	160
«Вот я, Господи, с просьбой какою ...»	161
«Забывтое слово - чертоги - чуть слышно привстало во мне ...»	162
«А разобраться - что нам нужно, людям?»	164
«Под дождь, под шлёпанье подошв ...»	165
«До первого снега ...»	166
«Не требуй же, юность, отчёта ...»	167

«Небо рухнуло на крышу, как обвал ...»	168
«Опять легко и безкручинно взлететь в безудержную высь ...»	169
В юности	170
Ирпень	171
Песенка о счастье	172
«И снова обнаружить на вокзале ...»	174
«Не было меня. Не состоялось. ...»	175
«И лежит наша жизнь позади - как большая дорога ...»	176
«Полюбилась эта жизнь не за что-нибудь, а просто ...»	177
«Отяжелела душа и уже не парит ...»	178
«- Не затевай сражений — из них узнаешь ты ...»	180

ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

1. Осадки, туман, гололед...	181
2. Памятник	182
3. Ветер	183
Шутливое послание представителям слабого, но прекрасного пола	184
«На окошках, как на льдинах ...»	186
«И собственный опыт полезен не более дыма ...»	187

«Жизнь была всего эскиз ...»	188
«Латаю дыры солнечным лучом ...»	189
«Раз не о чем - то ни о чём ...»	190
«Были возможности велики ...»	191
«Я стану тенью, и в смятенье ...»	192
«Как в детстве бояться случайно остаться во мраке ...»	193
«Что осталось паяцу? ...»	194
«Всеми на свете — свой черёд ...»	195
«Доктор, Вы — не правы ...»	196
Выздоровление	198
«Я в ближайшие дни - не умру! ...»	200
«Мир от бессонниц почти невесом и неуверен ...»	201

ИЗ АЛЬМАНАХА «ПИСЬМЕНА»

«Мне хочется уйти туда, за полотно ...»	202
«Текла толпа. Она была слепа. ...»	204
«Из всех сует я выбираю ту ...»	206

2. ИЗ РАННЕГО И НЕОПУБЛИКОВАННОГО.

«Детство, дай мне смуглую ладошку ...»	210
«А девчѐнки ходят рыжими. Это модно. ...»	212

«Удери из душных городов. ...»	213
«Едва рассвет покатится в траве и лопухах ...» ...	214
«Когда одолеют земные заботы и прочие тяготы этого света ...»	215
«Есть белые ночи и чёрные дни ...»	216
«Двенадцать пробило ...»	217
«Ёлочки - сосеночки! ...»	218
«Рассказывай, рассказывай, рассказывай! ...»	219
«Я расстеряла всех своих друзей ...»	220
«А в чистом поле, у густой дубравы ...»	221
«И как танцующий комод ...»	222
«Жизнь, простая, как верёвка ...»	223
«Безвременье, безверье, безучастье ...»	224
«А что мы знаем о разлуке ...»	225
«Да здравствует драматургия ...»	226
«А где-то дом, что всеми позабыт ...»	227
Ночной Питер	228
«Так уж случилось ...»	229
«Да и не всё ль равно, как меня нынче звать?»	230
«Смеющийся и счастливый, загадочный и живой ...»	231
6 июня	232
«Был рассвет незатейлив ...»	233
«И метёт по зеркалам ...»	234
«Сокровищам своим цены не называю ...»	235

«В моём нехитром словаре всего-то три-четыре слова ...»	236
«- Как да на сини горы выпали алы зори ...»	237
«А мне - смотреть чужие сны ...»	238
«Зелёное чудо и белое чудо в ладонях своих унесу я отсюда ...»	239
«В нашем шумном шатре ...»	240
«Наш дом простуженный знобит ...»	241
«Единственное, чему всегда поклонялась и буду ...»	242
«Что скажется — как споётся ...»	243
Две песенки для шарманки	244
1. «Шарманщик, придумавший душу мою ...»	244
2. «Что толку - толковать?»	244
«Возвращаются блудные дети домой ...»	246
Туманный январь	247

НОВОГОДНИЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

1. «Год завершён ...»	248
2. «Январь летит по льду, как по стеклу ...»	249
3. «Сидит февраль испуганною птицей ...»	250
4. «И март смущён, как первый поцелуй ...»	251
5. «Апрель звенит, и свищет, и грохочет ...»	252
6. «И май кипит и пенится в садах ...»	253
7. «Июнь цветами голову морочит ...»	254

8. «Бредёт июль с зарницами в руках ...» 255
9. «И залит август сытой добротой ...» 256
10. «Сентябрь птиц отправил в перелёт ...» 257
11. «Цветёт октябрь последней красотой ...» 258
12. «Ноябрь, дожди, как заведённый, льёт ...» ... 259
13. «Встаёт декабрь последнею чертою ...» 260
14. «И вот опять приходит Новый год ...» 261
15. «Год завершён. Перевернуть страницу ...» 262

Три сонета

1. «Когда по ночам утихает грызня
и возня ...» 263
2. «Над чёрной дорогой — распяты осеннего
дня ...» 264
3. «... И спать без снов на дне осенней
ночи ...» 265

ПАРОДИИ

- «Аз есмь и персть и шерсть ...» 266
- «Я анадясь стоял у гастронома ...» 268
- Подспудное 270
- Машина заломалась 272
- «Ночью тело твоё становится хрупким ...» 274
- «Уже роняет лес багряный свой убор ...» 276

Из стихов последних лет

«Ушёл на пенсию Поэт ...»	277
«Утомлённые долгой разрухой ...»	278
«Друзья отбывают. Им время часы отбывают ...»	279
«Вот мир наш, нами обжитой ...»	280
«А Голубкова была - только раннею ...»	281

Екатерина Александровна Голубкова

ЗВЕЗДА В КОЛОДЦЕ

Стихотворения

*Редактор - Карнаух В. А.
Компьютерная вёрстка - Долгов Д. С.
Обложка - Никитенко А. Ю.*

ISBN 966-7676-55-2

Подписано к печати 29.09.06. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Гарнитура Academia. Тираж 500 экз.

Издательство «Возможности Киммерии», 54001,
г. Николаев, ул. Потёмкинская, 48/7.
Тел.: 8(0512) - 35-50-10, факс: 36-03-21.
E-mail: kimerya@farlep.mk.ua

И женщина во сне
смеется,
и даль
светла и холодна,
и плещется звезда
в колодце,
и не достать ее
со дна...